

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ). ¹⁾

Когда человѣкъ заболѣваетъ, то врачъ старается распознать болѣзнь и ея причины, чтобы назначить соотвѣтствующее лѣченіе. Можетъ болѣть и общество различными болѣзнями и даже болѣзнями заразительными, и, конечно, вполне естественно желаніе разгадать причины этихъ общественныхъ болѣзней. Одною изъ такихъ болѣзней общества, — болѣзнию заразительною и иногда принимающею формы настоящей эпидеміи, является самоубійство. По вычисленію, сдѣланному не такъ давно, въ Европѣ ежегодно кончаетъ жизнь самоубійствомъ около 50 тысячъ человѣкъ. Кажется, въ настоящее время эту цифру нужно значительно увеличить. Вотъ подсчетъ самоубійствъ въ Петербургѣ за ближайшіе къ намъ

¹⁾ Публичное чтеніе въ г. Рязани, во Всесловномъ Собраніи въ Вербное Воскресенье, 3 апрѣля 1911 года.

годы, сдѣланный однимъ журналомъ. За три года (1898—1900) было ихъ 1235; за другіе три года (1904—1906)—1317; а за 1907—1909 годы самоубійствъ было уже 3976. Стало быть, за ближайшіе 12 лѣтъ число самоубійствъ въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ утроилось. На состоявшемся въ Петербургѣ 8 февраля прошлаго (1911) года засѣданіи 2-го отдѣла Русскаго Общества охр. нар. здр. докторъ Григорьевъ сообщилъ такія цифры. Въ 1906 году въ столицѣ было совершено 903 покушенія на самоубійство, а въ 1910 году это число увеличилось болѣе, чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза, превратившись въ 3196. Что всего ужаснѣе, самоубійства участились въ послѣднее время въ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ люди,—предполагается,—учатся, какъ жить; а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ,—оказывается,—научаются уходить отъ этой жизни. По вычисленію одной газеты въ 1904 году было 20 самоубійствъ среди учащихся, въ 1905—47, въ 1906—71, въ 1907—уже 112, въ 1908—312, а въ 1909—449. Итакъ, въ теченіе шести лѣтъ цифра 20 превратилась въ 449! Убиваютъ себя почти дѣти.

I.

Что же это за болѣзнь, и гдѣ ея причины? Причинъ этихъ можно указать нѣсколько.

Часто можно слышать, что такой-то человекъ боролся съ нуждою, нищетою, съ болѣзнями, съ семейными или другими непріятностями и затрудненіями, не выдержалъ и покончилъ жизнь самоубійствомъ. Что это такое? Это—*усталь* человекъ жить. Вѣдь жить—значитъ преодолевать жизненные препятствія. Для жизни нужны постоянныя усилія и напряженіе воли. Другіе тратятъ деньги на моду, на удовольствія и развлечения, на карточную игру, а ты изворачивайся такъ, чтобы семья твоя только не умерла съ голоду,—такъ говоритъ себѣ бѣднякъ. Когда человекъ молодъ, полонъ силъ, жизненная борьба не только не надламываетъ его, но даже усиливаетъ его энергію, возбуждаетъ еще большую жажду помѣряться съ бурей и грозой жизни.

„А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой“.

Но, бываетъ, и устаецъ человѣкъ, не выдерживаетъ онъ этой жизненной борьбы. Когда въ человѣкѣ кипитъ ключемъ жизненная сила, то о смерти онъ и думать не хочетъ, ему кажется, что будто онъ никогда и не умретъ. Да и вообще, какъ бы ни была тяжела жизнь человѣка, инстинктъ самосохраненія въ немъ большею частію не погасаетъ. Нищій гдѣ —нибудь въ деревнѣ, питающійся подаеніемъ, если спросите его: не хочешь ли умереть? — отвѣтитъ вамъ: „нѣтъ, бѣлый свѣтъ еще не надоѣлъ“.... Однако, тягота жизни можетъ такъ утомить человѣка, что уже смерть кажется ему желаннымъ исходомъ, желаннымъ отдохновеніемъ. Такъ, заблудившійся въ зимнюю вьюгу путникъ сначала борется со страшною стихіей. Вѣтеръ сбиваетъ его съ ногъ, вьюга слѣпитъ ему глаза. Силы у путника еще есть, и онъ идетъ впередъ, хорошо зная, что, если перестанетъ бороться, то стихія одолѣетъ его. Но вотъ, онъ выбивается изъ силъ, уже не думаетъ объ опасности, о смерти. Онъ только сознаетъ одно, что онъ усталъ. Гдѣ —нибудь присѣсть, къ чему —нибудь прислониться, отдохнуть, забыться... И ноги его подкашиваются, онъ опускается на землю, въ сладкой истомѣ закрываетъ глаза и... засыпаетъ на вѣки... Вотъ письмо рабочаго, въ жалкомъ жилищѣ котораго, послѣ его разчета съ жизнью, не найдено ни пищи, ни одежды, ни мебели, которая была сожжена вмѣсто дровъ. „Я боролся слишкомъ долго, — пишетъ онъ, — но безъ всякаго успѣха. Я въ отчаяніи и выбился изъ силъ. Мысль о судьбѣ дѣтей разрываетъ мнѣ сердце. Но я надѣюсь, что моя смерть привлечетъ къ нимъ вниманіе благотворителей, и кто-нибудь скалится надъ ними“. Достоевскій пишетъ въ своемъ „Дневникѣ Писателя“ (за 1876 г.): „Во всѣхъ петербургскихъ газетахъ появилось нѣсколько коротенькихъ строчекъ мелкимъ шрифтомъ объ одномъ петербургскомъ самоубійствѣ: выбросилась изъ окна, изъ четвертаго этажа, одна бѣдная, молодая дѣвушка, швея, — потому что никакъ не могла пріискать

себѣ для пропитанія работы. Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, держа въ рукахъ образъ (икону). Этотъ образъ въ рукахъ,—прибавляетъ отъ себя писатель,— странная и неслыханная еще въ самоубійствѣ черта! Это ужъ какое то кроткое, смиренное самоубійство. Тутъ даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто—стало нельзя жить“...

Что воля можетъ устать, такъ сказать,—переутомиться, на это указываетъ распредѣленіе самоубійствъ по временамъ года и днямъ недѣли. Какое время года должно бы давать болѣе всего самоубійствъ? Повидимому,—осень. Въ это время года тучи низко ползутъ надъ землею. Туманъ и мелкая изморось окутываютъ все и какъ будто проникаютъ въ самый мозгъ. Солнышко рѣдко улыбается скучающей землѣ. За осенью идетъ долгая и темная зима съ вьюгами, метелями, морозами. Зимній день коротокъ и рано смѣняется безконечною зимнею ночью. Бѣдные люди страдаютъ зимой отъ холода, голода и безработицы. Казалось бы, въ это время осенняго увяданія и зимней спячки природы человѣкъ наиболѣе долженъ бы чувствовать усталость и подавленность воли и потому долженъ бы имѣть наибольшую склонность самовольно уходить отъ жизни. Но статистика говоритъ другое. Въ осеннее и зимнее время бываетъ самоубійствъ меньше, чѣмъ въ весеннее и лѣтнее. Оказывается, когда природа живетъ полною жизнью, сияетъ и блещетъ, въ это время человѣкъ болѣе склоненъ предпринимать роковое рѣшеніе разстаться съ жизнью. Статистика показываетъ, что болѣе всего самоубійствъ бываетъ въ теченіе времени съ апрѣля по іюль; съ іюля число ихъ убавляется до декабря; а съ января опять начинается возрастать. Чѣмъ это объяснить? Съ пробужденіемъ жизни въ природѣ и въ человѣкѣ пульсъ жизни начинаетъ биться сильнѣе. Жизненная энергія въ человѣкѣ повышается, пробуждаются въ немъ какія-то неясныя стремленія, пробуждается т. н. „любовь“, дающая неистощимыя темы для всевозможныхъ романсовъ, серенадъ, ноктюрновъ и пр. Въ это же время человѣкъ

начинает усиленно работать, меньше отдыхать. Рабочее население позже ложится спать, раньше встает. ¹⁾ На всю эту, значительно повышенную работу и духа и тѣла требуется несравненно большее напряженіе воли; эта послѣдняя значительно больше устает и потому часто не въ силахъ бываетъ сопротивляться различнымъ навязчивымъ идеямъ и рѣшенію покончить съ жизнью.

Интересно отмѣтить распределеніе количества самоубійствъ по днямъ недѣли. У насъ понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ, когда люди не только необразованные, но и образованные боятся начинать какія—либо важныя дѣла. Въ нѣкоторыхъ же странахъ Европы такимъ тяжелымъ днемъ считается пятница, когда напряженность людской дѣятельности понижается. И жизнь подтверждаетъ это: у нотаріусовъ въ этотъ день меньше совершается сдѣлокъ, кассы желѣзныхъ дорогъ меньше продаютъ билетовъ. За пятницей слѣдуетъ суббота—канунъ полнаго отдыха, когда работы кончаются раньше обыкновеннаго, а за субботой слѣдуетъ полный отдыхъ—воскресенье. Въ эти три дня, особенно въ субботу, за границей самоубійствъ совершается меньше всѣхъ остальныхъ дней недѣли. И въ воскресенье ихъ было бы меньше, если бы въ этотъ день не было пьянства и разгула, отъ которыхъ повышаются страсти, часто ведущія къ самоубійствамъ.

Вотъ—первый видъ самоубійства, происходящій отъ усталости воли, каковая усталость погашаетъ въ человѣкѣ инстинктъ самосохраненія. Можно догадаться, что этого рода самоубійства свойственны наиболѣе бѣднымъ классамъ населенія, среди которыхъ свила себѣ прочное гнѣздо нужда, и, конечно, такіе самоубійцы заслуживаютъ наиболѣе снисхожденія и жалости.

II.

Одни люди убиваютъ себя въ нуждѣ. Другіе люди лишаютъ себя жизни среди обстановки достатка и даже излишества во всемъ. Человѣкъ не озабоченъ добываніемъ хлѣба насущнаго, не имѣетъ опредѣленныхъ занятій, и все это

позволяетъ ему имѣть одно пріятное занятіе: мечтать. Какая—нибудь барышня окружена всѣми удобствами жизни. Есть у нея мама, которая обо всемъ позаботится, все предупредитъ; есть горничная Дуняша, которая предупреждаетъ малѣйшее ея желаніе. Барышня встанетъ, — все готово, попьетъ чаю или кофе и садится къ окну книжки читать. Уже много она перечитала всего. Надоѣстъ ей читать, — она, уронивши книгу на колѣни погружается въ мечты. И вотъ, мечтаетъ она при лунѣ, мечтаетъ и безъ луны, мечтаетъ подъ музыку, и безъ музыки... Она тяготится своимъ бездѣльемъ. Но, въ то же время, и ни за какое дѣло взяться не можетъ: все ей представляется мелкимъ, ничтожнымъ, не достигающимъ цѣли. Въ воображеніи рисуются ей необыкновенные подвиги: вотъ бы поѣхать куда—нибудь на эпидемію, на голодъ, на войну... Тамъ витаетъ смерть, тамъ можно заразиться и умереть. Но... зато, какая красота, какое величіе подвига! А тутъ что!.. Но ни великихъ дѣлъ, ни маленькихъ мечтающая барышня не совершаетъ, а привычка мечтать развивается больше и больше. Вырабатывается минорное, унылое настроеніе. Людское общество не утѣшаетъ и не развлекаетъ. Хочется уединенія... гдѣ—нибудь на кладбищѣ, въ жилищѣ мертвыхъ, въ унылую пору года, — осенью, когда желтыя, омертвѣвшія листья шуршатъ подъ ногою. Мечтательность, излишне развитая, заставляетъ человѣка искать какой-то нирваны, какого-то небытія или полубытія. Такое состояніе духа выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова

„Выхожу одинъ я на дорогу“:

„Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:

Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,

И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;

Я ищу свободы и покоя;

Я—бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ своимъ могилы

Я—бъ желалъ навѣки тамъ заснуть,—

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ, всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ“.

Какъ видите, человѣку не хочется жить, хотя и не хочется умирать холоднымъ сномъ могилы. Чего же ему хочется? Онъ самъ того не знаетъ: все будничное, сѣрое или, какъ говорятъ, пошлое его не удовлетворяетъ. И вотъ, не совершая великихъ дѣлъ и отвращаясь отъ дѣлъ маленькихъ, обыденныхъ, человѣкъ *ничего не дѣлаетъ*. Такое состояніе души можно назвать *атрофіей воли*. И если усталость воли зависитъ отъ дѣйствительныхъ житейскихъ бѣдствій и свойственна болѣе бѣднымъ классамъ населенія, то атрофія воли есть слѣдствіе болѣзненнаго развитія мечтательности и можетъ развиваться у людей образованныхъ и обеспеченныхъ классовъ. Она создаетъ въ человѣкѣ тяжелое и убійственное сознаніе своего безсилія, своей ненужности, бесполезности въ жизни. А все это и можетъ приводить къ роковому концу. Впрочемъ, человѣкъ съ атрофированной волей можетъ и не бездѣльничать, а совершать то, что на его долю приходится. Но сознаніе, что все это „не то“, что все это излишне и бесполезно, никогда его не покидаетъ.

Атрофія воли держится на одной, общей всѣмъ русскимъ интеллигентнымъ людямъ, основѣ. Эта основа есть преобладаніе анализа, рефлексіи надъ волей, надъ дѣятельностью. Увы, русскіе интеллигентные люди имѣютъ тяжелую привычку раздвояться, какъ бы со стороны наблюдать за собою, какъ бы разлагая на составныя части свои душевныя и физическія состоянія. Эта привычка и расслабляетъ, прежде всего, волю. Тотъ, кто, приготовляясь что—либо дѣлать, говоритъ себѣ: „а ну-ка я не такъ“!..—никогда ничего совершить не можетъ, у него всегда будутъ опускаться руки. Въ русско-японскую войну мы постоянно слышали слово: „тер-

пѣніе“. Ужъ не потому ли мы и оказались побѣжденными, что очень много раздумывали, очень много примѣривали, очень много терпѣли?!

Подсматриванье за собою, развитое до болѣзненности, не оставляетъ въ покоѣ наши чувства: оно усиливаетъ наши страданія и ослабляетъ удовольствія. Сколько на свѣтѣ волненій, страданій, созданныхъ такъ называемою мнительностью! Сколько есть людей, которые отыскиваютъ въ себѣ не существующія болѣзни! И, конечно, не притворяются они; чутко и напряженно прислушиваясь къ себѣ, они усматриваютъ и подмѣчаютъ то тамъ, то сямъ болѣзненные ощущенія и явленія.

Стѣитъ мнительному человѣку начать читать лѣчебникъ и описанія различныхъ болѣзней, какъ онъ всѣ эти болѣзни будетъ находить у себя. При укоренившейся привычкѣ анализировать себя и свои состоянія духовныя и физическія, человѣкъ почти лишень радостей и удовольствій жизни, а тѣ радости, какія есть, лишаются своей свѣжести и полноты. И меланхолія, меланхолія...—вотъ неизбѣжный удѣлъ этихъ людей. „Скучно жить!“—вотъ ихъ основное настроеніе. Особенно юношество скучаетъ, нервничаетъ, тоскуетъ, испытываетъ отвращеніе къ жизни и потому уходитъ отъ нея. Въ Москвѣ, въ Практической академіи воспитывался юноша В., сынъ миллионера. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ не разъ слышали отъ него слова: „скучно жить“. Онъ и учился хорошо, и велъ себя такъ же, и пользовался общеою любовью. Возвратившись однажды поздно ночью или, вѣрнѣе, рано утромъ въ меблированныя комнаты, гдѣ жилъ, онъ покончилъ съ собой, оставивши записку: „никого не винить въ смерти“. Осенью прошлаго года въ г. Новочеркасскѣ, въ общежитіи семинаріи отравился ученикъ 3-го класса. Причина,—замѣчаютъ газеты,—тоска и разочарованность въ жизни. Да можно ли перечислить всѣ случаи подобнаго рода самоубійствъ?!. Мнѣ кажется, каждый изъ васъ чуть не въ каждомъ номерѣ газеты встрѣчалъ: отравился или застрѣлился

такой-то, а въ предсмертной запискѣ написалъ: „усталь жить“, „скучно жить“, „не вижу смысла въ жизни“ и т. п.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Соколовъ.

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ). 1)

Въ полномъ живого интереса романъ Генриха Сенкевича „Камо грядеши?“ послѣднія страницы посвящены описанію смерти главнаго дѣствующаго лица—Петронія. Тонкій эпикуреецъ, умѣвшій находить удовольствія въ жизни и взявшій отъ нея все, что она могла дать, кончаетъ жизнь самоубій-

1) Продолженіе. См. № 2.

ствомъ. Въ послѣдній разъ Петроній устраиваетъ пиръ и созываетъ друзей. „У дверей триклиніума стояли мальчики, на бѣлокурые волосы которыхъ были надѣты золотыя сѣтки, и возлагали на головы прибывающихъ розовыя вѣнки, предупреждая ихъ по обычаю, переступить порогъ правой ногой. Въ залѣ распространялся тонкій аромат фіалокъ, и лампы горѣли подъ разноцвѣтными абажурами изъ александрійскихъ стеколъ. У скамеекъ стояли молодыя дѣвушки—гречанки, которыя, по обыкновенію, окропляли духами ноги гостей, а у стѣнъ расположились цитристы и пѣсенники, ожидавшіе знака своего дирижера“. Хозяинъ предложилъ каждому изъ гостей принять въ подарокъ золотую съ драгоценными камнями чашу, изъ которой онъ пилъ вино, выплескивая немного его въ честь боговъ и за здоровье хозяина. А самъ Петроній, поднявши свою миренскую чашу, которая была положительно безцѣнна, во—всеуслышаніе заявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы чьи—либо уста касались этой чаши, изъ которой онъ только—что стряхнулъ нѣсколько капель вина въ честь богини—покровительницы Кипра, и онъ бросилъ драгоценный сосудъ на мозаическій полъ, посыпанный цвѣтами шафрана. Сосудъ разбился вдребезги. На удивленные возгласы и взгляды Петроній отвѣчалъ: „Не удивляйтесь, дорогие мои, а лучше веселитесь!.. Старость и безсиліе—это печальные спутники послѣднихъ лѣтъ жизни. Но я вамъ дамъ хорошій примѣръ и добрый совѣтъ: можно, видите—ли, не ждать ихъ и, прежде чѣмъ они придутъ къ вамъ, добровольно отправиться на тотъ свѣтъ, какъ и я отправляюсь!“

„Веселое и изысканное пиршество продолжалось. Прочитавши вслухъ письмо къ императору Нерону, Петроній далъ знакъ греку—лѣкарю и протянулъ къ нему руку. Лѣкарь перевязалъ ее выше локтя золотой тесьмой и открылъ жилу на сгибѣ руки. Кровь брызнула фонтаномъ и облила возлюбленную Петронія—Евнику, которая поддерживала его голову. Евника не захотѣла жить одна послѣ Петронія и протянула лѣкарю свою розовую руку, изъ которой тоже брызнула

кровь, которая смѣшалась съ кровью Петронія. По знаку умирающаго хозяина раздалась тихая музыка цитръ, раздалось мелодичное пѣніе пѣсенъ „Анакреона“. Самоубійцы, прекрасные, какъ два божества, обнявшись, слушали пѣніе и музыку, улыбались и постепенно блѣднѣли. Черезъ нѣсколько времени, среди ослѣпительнаго свѣта и веселыхъ гостей, красавиць—гречанокъ, на роскошномъ ложѣ лежали два молодые трупа“.

Какая причина этого рода самоубійствъ? Причина — та, что человѣкъ уже не можетъ получать отъ жизни удовольствій. А онъ поставилъ цѣлью жизни только эти удовольствія. „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ!“ (1 Кор. 15, 32). Вотъ — правило жизни для многихъ людей. Но бываютъ еще болѣе грубые, чѣмъ Петроній, эпикурейцы. Ёда, вино, женщины, карты — вотъ въ чемъ полагается смыслъ и цѣль жизни. Не стало средствъ къ веселой жизни, измѣнило здорье, и человѣкъ не видитъ другого исхода, кромѣ самоубійства. Иногда человѣкомъ овладѣваетъ одна какая—либо страсть, и, кромѣ ея удовлетворенія, онъ не видитъ никакой цѣли въ жизни. Но вотъ, промахнулся человѣкъ, выросла предъ нимъ стѣна, преграждающая ему дальнѣйшее движеніе по привычному пути, и онъ ударяется объ эту стѣну, чтобы разmozжить себѣ голову. Сколько самоубійствъ совершилось въ окрестностяхъ знаменитаго „Казино“ въ Монте—Карло! Въ одинъ изъ столичныхъ клубовъ часто ходилъ г. Д. и игралъ въ карты. Однажды онъ пріѣхалъ и сѣлъ играть. „Карта шла, и онъ выигралъ нѣсколько тысячъ. Вскорѣ, однако, онъ сталъ проигрывать и спустилъ не только выигранныя деньги, но и свои. Выйдя изъ-за стола, Д. прошелъ въ уборную, и оттуда вскорѣ грянулъ выстрѣлъ. Взломали дверь; Д. былъ уже мертвъ. Въ карманѣ его платья нашли два рубля съ копѣйками. Подобные случаи могутъ быть и бываютъ не въ столицахъ только, но и въ какомъ—нибудь Сапожкѣ или Тетюшахъ, гдѣ все такъ называемое общество состоитъ изъ учителей и секретарей, и гдѣ есть учрежденіе, именуемое „общественнымъ собраніемъ“ или клубомъ.

IV.

Въ самоубійствѣ эпикурейцевъ даетъ себя знать не усталость или атрофія воли, а ея дурное и извращенное направленіе. Но бываетъ, что у человѣка еще съ дѣтства не воспиталась и не выработалась привычка вообще сдерживать свои порывы и желанія, и, при вступленіи такого человѣка въ жизнь, воля его дѣлается совершенно разнузданною. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что разнузданность воли обнаруживается у такихъ людей, которыхъ слишкомъ много ограничивали и сдерживали въ дѣтствѣ, но это сдерживаніе было только холоднымъ, неразумнымъ и беспощаднымъ гнетомъ, ежовыми рукавицами. Когда судьба освободитъ человѣка изъ этихъ ежовыхъ рукавицъ, то онъ развертывается, какъ говорятъ, во—всю. Итакъ, невыдержанность, разнузданность воли, неподготовленность ея ко всѣмъ ударамъ и случайностямъ судьбы—вотъ еще причины очень многихъ самоубійствъ. Есть одна картина: на берегу моря стоятъ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка. У ногъ ихъ разстилается безбрежное море. Море бушуетъ, брызги летятъ имъ въ глаза. Вѣтеръ гуляетъ на свободѣ и ударяетъ имъ въ лицо. Свободныя и вольныя облака несутся по небу. „Какой просторъ!“ — подписано подъ картиной. Молодымъ людямъ кажется, что и жизнь есть такой же просторъ, и на этомъ просторѣ есть гдѣ развернуться молодымъ силамъ. И всякіе стихи и стишки, и литература извѣстнаго направленія постоянно твердила имъ объ орлахъ, расправляющихъ свои крылья и взмывающихъ къ самому небу, объ утесахъ надъ безбрежнымъ моремъ, о разбиваемыхъ цѣпяхъ и т. п. Но, на самомъ дѣлѣ, жизнь не есть безбрежный просторъ, среди котораго можно свободно расправлять крылья. И не потому она не есть просторъ, что у насъ нѣтъ „всеобщей, равной, прямой и тайной“ подачи голосовъ, а просто потому, что она есть „болѣзнь, печаль и воздыханіе“ и кончится она для тебя, человѣкъ, тѣмъ, что ты, какъ земля, „въ землю и отъидеши, а може вси человѣцы

пойдемъ“. Жизнь на каждомъ шагу ставитъ препятствія. Ставитъ она препятствія и тѣмъ, кто вырвался на ея арену со всею безудержностью своихъ страстей; преграждаетъ она путь и тѣмъ, кто полонъ мечтаній объ орлахъ и утесахъ.

Въ первыхъ числахъ ноября прошлаго года въ Петербургѣ къ „Акваріуму“ въ самую полночь подкатилъ лихачъ, съ котораго сошли элегантная молодая особа и молодой человекъ въ бобровой шубѣ. Они прошли въ одинъ изъ лучшихъ кабинетовъ. Роскошь и изящество костюмовъ пріѣзжихъ говорили о томъ, что они были люди богатые. Дама была одѣта въ изящное и легкое розовое платье; на ногахъ ея были модныя ботинки съ бриллиантовыми пряжками; въ ея ушахъ были огромныя бриллиантовыя серьги; а на груди красовался, на массивной золотой цѣпочкѣ, большой, роскошный медальонъ, весь усыпанный бриллиантами. Молодой человекъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Пріѣзжіе потребовали шампанкаго, мадеры и фруктовъ. Когда все это имъ было подано, они закрыли двери кабинета и спустили массивныя драпри на дверяхъ и на окнахъ. Не прошло и получаса послѣ этого, какъ изъ кабинета грянули одинъ за другимъ выстрѣлы. Когда, при помощи слесарныхъ инструментовъ, открыли двери кабинета, то глазамъ присутствовавшихъ представилась слѣдующая картина. Въ кабинетѣ горѣло электричество. Молодой человекъ лежалъ на полу на спинѣ. По лицу и по крахмальной рубашкѣ его тонкой струей сочилась кровь; въ правомъ вискѣ зіяла чуть замѣтная огнестрѣльная рана. Маленькій револьверъ былъ крѣпко сжатъ въ правой рукѣ. Дама сидѣла на низенькомъ пуфѣ, склонившись головой на край маленькаго круглаго стола. Все лицо дамы, грудь, роскошное платье ея, а также столикъ были залиты кровью. На правой сторонѣ головы зіяла огнестрѣльная рана. Въ складкахъ платья, у самыхъ ногъ, оказался второй револьверъ. Бутылки всѣ были допиты. И молодой человекъ, и дама оказались безъ признаковъ жизни. Выяснилось вскорѣ, что молодой человекъ былъ сынъ купца 1-й

гильдіи Б., 22 лѣтъ. Спутница его оказалась дочерью также купца 1-й гильдіи К., крупнаго столичнаго домовладѣльца и богача. Ей было только 19 лѣтъ. Это были женихъ и невѣста, мечтавшіе о свадьбѣ. Но со стороны родителей невѣсты встрѣтились серьезныя препятствія, почему молодые люди и рѣшились покончить съ собой. Въ письмахъ, которыя были найдены подъ тарелками, молодые люди заявляютъ о своей взаимной любви, просятъ простить ихъ и умоляютъ похоронить вмѣстѣ. Оба сначала выпили искусной эссенціи, затѣмъ молодой человекъ застрѣлилъ свою невѣсту, а потомъ застрѣлился самъ. Женихъ и невѣста, подобно Петронію и Евникѣ, встрѣтили смерть вмѣстѣ. Но какая разница! Тѣ шли навстрѣчу смерти, упоенные радостями жизни, до дна осушивши опьяняющую чашу земныхъ удовольствій. А эти призвали на помощь смерть, можетъ быть, совсѣмъ не прикоснувшись къ этой чашѣ, — призвали потому, что не хотѣли и не могли помириться съ тѣмъ ударомъ, который нанесла имъ неумолимая судьба. Бѣдныя! А, можетъ быть, если бы имъ дано было заглянуть въ будущее, ихъ брачная жизнь была бы невыносимою, и они оба стали бы проклипать тотъ день и часъ, когда они познакомились и полюбили другъ друга?.. Но, увы, они признавали только два выхода: бракъ или смерть!

А вотъ, къ какимъ иногда послѣдствіямъ приводитъ женская шутка. 21 октября 1910 года мичмана И. вызвали къ телефону. Поговоривши, мичманъ повѣсилъ трубку и сказалъ: „все кончено“, потомъ ушелъ въ свою комнату. Вскорѣ оттуда послѣдовалъ выстрѣлъ. Когда открыли дверь, то увидѣли самоубійцу лежащимъ на кровати: онъ былъ раненъ въ високъ и былъ со слабыми признаками жизни. Въ это время опять затрещалъ телефонъ, къ которому опять вызывали мичмана И. Женщина говорила по телефону, что то, что она сказывала раньше, была шутка. По доставленіи въ больницу мичманъ И. скончался.

Воля у этого рода самоубійць, можетъ быть, и сильная, и крѣпкая, но она, поставившая цѣлю непременно достигнуть намѣченной цѣли, не хочетъ и думать о другомъ—неудачномъ исходѣ. Когда же этотъ исходъ обрисовывается, она не хочетъ мириться съ нимъ. Такъ, врачъ, совершившій неудачную операцію, приведшую больного къ смерти, кончаетъ съ собою.

V.

Если у человѣка устала и надорвана воля или она перестала дѣйствовать, то въ немъ погасаетъ жажда жизни и ослабѣваетъ инстинктъ самосохраненія. Эпикурейски настроенный человѣкъ не выноситъ той жизни, въ которой отсутствуютъ привычныя для него земныя наслажденія. Человѣкъ съ невыдержанной и разнузданной волей неспособенъ выдержать удары жизни. Но бываетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ человѣкѣ можетъ только подготовиться настроеніе для самоубійства, а рѣшительный толчекъ можетъ дать ему примѣръ. Человѣкъ еще только ходитъ по берегу рѣки, ходитъ около желѣзнодорожныхъ путей и чувствуетъ, какъ его тянетъ и въ воду, и туда, подъ колеса паровоза—этого какъ бы живого чудовища, огромное, черное тѣло котораго наполнено страшною силою пара; приглядывается онъ и къ крюкамъ, которые могутъ выдержать тяжесть человѣческаго тѣла, беретъ въ руки огнестрѣльное оружіе, какъ бы любясь имъ и прикладывая холодную сталь къ своему виску. Но вотъ, онъ слышитъ о самоубійствѣ, особенно о такомъ, которое выдается своими страшными подробностями и особенно трагическою обстановкой, и рѣшеніе готово: человѣкъ бросается въ воду, ложится подъ колеса паровоза, вѣшается на крюкъ, стрѣляется, отравляется и т. п. Самоубійство съ яркими подробностями дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на слабую душу, уже обезсиленную предшествующею работою какой—либо навязчивой идеи. Послѣ самоубійства

Австрийскаго принца Рудольфа, которое въ свое время надѣлало много шума, совершилось нѣсколько самоубійствъ, случившихся при похожей обстановкѣ. Во Франціи одинъ инвалидъ повѣсился на воротахъ казармы. Послѣ этого, въ теченіе двухъ недѣль на этихъ же воротахъ повѣсилось еще 12 человѣкъ. Ворота уничтожили, и самоубійства прекратились. Приходится слышать и читать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разражается настоящая эпидемія самоубійствъ. Беремъ наудачу газетную вырѣзку. Вотъ что было въ г. Симферополѣ въ ноябрѣ прошлаго года. Два юноши — землемѣра застрѣлились оригинальнымъ способомъ: однимъ выстрѣломъ, лежа другъ на другѣ ¹⁾. Черезъ три дня послѣ этого 17-лѣтній юноша, сынъ состоятельныхъ родителей, выстрѣлилъ себя въ правый високъ. Черезъ пять дней приняла опиумъ молодая женщина. На Тюремной улицѣ отравились карболовой кислотой юноша 20 лѣтъ и дѣвушка, которымъ не удалось пожениться. Спустя два дня на Сангирной улицѣ застрѣлился пріѣзжій юноша изъ — за невозможности познакомиться съ одной дѣвушкой. 18 ноября близъ Симферополя бросился подъ поѣздъ стрѣлочникъ. 19 ноября нашли въ номерѣ гостиницы повѣсившимся 63-лѣтняго старика, кандидата правъ П. Въ тотъ же день пріѣзжая 20-лѣтняя дѣвушка Б. изъ ревности къ своему возлюбленному облила ему лицо карболовой кислотой и сама отравилась. Въ Москвѣ прошедшею осенью (1910 года) много надѣлали шума три самоубійства подъ рядъ: 29 октября застрѣлился г. Ж.; 30 октября г-жа Г., пріѣхавши съ панихиды по Ж. и напоивши гостей чаемъ, прошла въ спальню и застрѣлилась; 31 октября застрѣлился г. Т. Всѣ трое — изъ среды денежной аристократіи, люди здоровые и полные жизни.

Подробные рассказы и подробныя описанія въ газетахъ случаевъ самоубійствъ, со всѣми подробностями, со всѣми

¹⁾ Въ оставленной запискѣ было: „Мы не пишемъ, что жить не стоитъ, — нѣтъ! Но жить безъ цѣли, чтобы уподобиться животному, не желаемъ“...

ужасами, — что человекъ говорилъ, что написалъ, въ какомъ положеніи его нашли, что сдѣлалъ съ нимъ поѣздъ желѣзной дороги, — все это, кажется, дѣйствуетъ подталкивающимъ образомъ на человека, у котораго есть опасное въ данномъ смыслѣ предрасположеніе. Помните ли вы, каково состояніе духа, когда вы стоите на высокой колокольнѣ или на крутомъ утесѣ? васъ точно тянетъ внизъ, и вы поскорѣе уходите отъ края. „Быть можетъ“, — говоритъ проф. Карѣевъ, — „правы тѣ, которые находили, что газетамъ не слѣдовало бы слишкомъ поддерживать практику самоубійствъ постоянными о нихъ публикаціями“. ¹⁾

Свящ. С. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ). ¹⁾

VI.

Но кто изъ смертныхъ можетъ проникнуть въ глубины и тайны человѣческой души?.. Если бы всѣ или, по крайней мѣрѣ, многіе самоубійцы воскресли и рассказали намъ больше, чѣмъ въ ихъ обычныхъ запискахъ: „въ смерти моей никого не винить“, описали бы намъ всю трагедію своихъ душъ, свои предсмертныя мгновенія, то тогда бы мы рѣшительно заявили: вотъ какія причины того, что люди убиваютъ себя! Теперь же мы болѣе, чѣмъ на половину, судимъ по догадкамъ. И несомнѣнно, — были, есть и будутъ такого рода самоубійства, которыя имѣютъ свои особенныя, индивидуальныя причины. Одно для насъ ясно: есть какая-то общая почва, въ которой коренятся и которой питаются самоубійства. Эта общая почва — отсутствіе вѣры въ Бога и въ загробную жизнь. Но такъ какъ не всѣ, кончившіе жизнь самоубійствомъ, были люди невѣрующіе, то приходится думать, что у этихъ людей было только потемнѣніе вѣры въ Бога и будущую жизнь. Намѣсто надежды на Бога въ ихъ душахъ воцаряется безъисходное отчаяніе. Такъ кончилъ жизнь Іуда-предатель, кото-

¹⁾ Продолженіе. См. № 3.

рый забылъ о милосердіи Божіемъ, и котораго задавила одна мысль: „я согрѣшилъ, предавъ кровь неповинную“. Осенью прошлаго года въ Москвѣ окончилъ жизнь самоубійствомъ судебный приставъ Э—ко. Нервный и впечатлительный, онъ сдѣлался жертвою своей службы. Э—ко не могъ выносить тѣхъ случаевъ, когда ему, какъ приставу, приходилось выселять бѣдноту изъ квартиръ, описывать и продавать имущество бѣдняковъ. И состояніе его здоровья было таково, что ему предстояло бросить службу. Ему рисовалось тяжелое будущее его семьи. Э—ко не выдержалъ. Въ предсмертномъ письмѣ онъ проситъ предать землѣ его тѣло по христіанскому обряду и заявляетъ, что онъ—глубоко вѣрующій и, если рѣшается на такой страшный шагъ, то въ силу неотвязчивой идеи, заполонившей все его существо. Слѣдовательно, какъ человѣкъ вѣрующій, онъ не могъ не знать, что совершаетъ тяжкій грѣхъ, и, если пошелъ на этотъ грѣхъ, то, конечно, потому, что неотвязчивая идея потемнила его вѣрующее сознаніе.

Тамъ, гдѣ вѣрованія въ Бога и въ безсмертіе затемнены и запутаны въ самомъ ихъ существѣ, цѣнность человѣческой личности и человѣческой жизни вообще понижается. Таковы вѣрованія и убѣжденія, напр., пантеистическія. Въ пантеизмѣ божество—безличная міровая сила, человѣкъ—это дождевой пузырь на безбрежной поверхности океана, будущая жизнь и безсмертіе состоитъ въ томъ, что этотъ пузырь лопається, перестаетъ существовать отдѣльною, личною жизнью, сливаясь съ безбрежнымъ океаномъ божества. При такихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ должна быть и есть въ человѣкѣ большая склонность къ самоубійству. Въ область безсознательнаго безсмертія, почти небытія, человѣкъ стремится такъ же, какъ пьяница или курильщикъ опиума стремятся въ безпамятство. Примѣры Китая, Японіи, Индіи съ ихъ пантеистическимъ міросозерцаніемъ подтверждаютъ это. Можно отмѣтить факты даже массовыхъ самоубійствъ въ этихъ странахъ. Въ Китаѣ пользуется большою популярностью исторія 500

философовъ изъ школы Конфуція, которые бросились въ море, когда одинъ изъ императоровъ приказалъ сжечь книги ихъ учителя. Тамъ же есть цѣлая религіозная секта, члены которой путешествуютъ на богомолье къ храмамъ, построеннымъ на утесахъ, и, помолившись, они бросаются въ бездну. Известно японское „харакири“ — распарываніе живота, которое японцы совершаютъ надъ собой иногда по самымъ мало важнымъ побужденіямъ. Всѣмъ намъ памятенъ случаи изъ недавней войны, когда фанатики--Японцы погружались въ волны моря съ криками „банзай“. И вся беззавѣтная храбрость — то нашихъ недавнихъ враговъ вытекала, главнымъ образомъ, изъ ихъ своеобразнаго религіознаго настроенія. Въ Индіи поклонники Браммы бросаются въ священныя волны Ганга, а въ честь бога Сивы низвергаются въ пропасти. Любопытно, что въ наше время, богатое самоубійствами, замѣчается большой наклонъ въ сторону буддизма и вообще пантеистическаго міровоззрѣнія.

Если потемнѣніе и запутанность вѣрованій въ Бога и загробную жизнь располагаетъ къ самоубійству или, по крайней мѣрѣ, не удерживаетъ отъ него, то что сказать о совершенномъ отрицаніи Бога и будущей жизни? Здѣсь уже не наклонность къ самоубійству, а прямой, логическій исходъ — покончить съ собою.

Обратимся къ литературѣ, которая отражаетъ жизнь. Вотъ — Кирилловъ романа Достоевскаго „Бѣсы“, — произведенія, — сказать кстати, — теперь почему то замалчиваемаго (какъ и весь вообще Достоевскій), но произведенія великаго, съ характеромъ пророческимъ. Кирилловъ — атеистъ, но атеистъ не практическій, а атеистъ идейный. атеистъ честный и, — странно сказать, — какъ бы вѣрующій. Вотъ, каковы его разсужденія. Если Бога нѣтъ, то я — богъ. Если же я — богъ, то и вся воля должна быть не Бога, Котораго нѣтъ, а моя, и „я обязанъ заявить своеволіе“. Самый же полный пунктъ моего своеволія — это убить себя самому, и потому я обязанъ себя застрѣлить. Я не понимаю, — разсуждаетъ далѣе Кирил-

ловъ,— какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что Бога нѣтъ, и не убить себя тотчасъ же? Особенно отрицаніе Божественнаго достоинства Іисуса Христа и Его воскресенія открываетъ прямой путь къ этому своеволю и, стало быть, къ самоубійству. „Слушай,— говоритъ Кирилловъ своему собесѣднику, Петру Степановичу Верховенскому, неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря предъ собой.— Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со Мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Него такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ то и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты—ложь и диаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ“?..

Съ вѣрою въ Бога тѣсно связана вѣра въ загробную жизнь. Кто признаетъ загробную жизнь такъ, какъ признаетъ ее христіанская вѣра, тотъ признаетъ и смыслъ теперешней жизни, тотъ съ терпѣніемъ несетъ бремя этой жизни. Этого человѣка не пугаютъ страданія земныя, страданія невинныя, ибо онъ твердо вѣритъ, что тамъ, за гробомъ, Богъ „отретъ всякую слезу съ очей человѣковъ, и смерти не будетъ уже, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ“ (Апок. 21,4). Но не только отрадныя чаянія жизни будущаго вѣка спасаютъ и поддерживаютъ человѣка среди скорбей жизни; простая, смутная боязнь,—а не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ чего

послѣ смерти? — удерживаетъ чловѣка отъ лишенія себя жизни. Шекспиръ влагааетъ въ уста Гамлета слѣдующія слова:

„Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненъе,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣнне къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего — то послѣ смерти —
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю“...

Здѣсь перечислены многіе поводы къ самоубійству, и во всѣхъ этихъ случаяхъ чловѣка удерживаетъ отъ исполненія надъ самимъ собою смертнаго приговора боязнь жизни и безсмертія по ту сторону гроба. И Гамлетъ спрашиваетъ себя:

„Умереть? Уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!“

Стало быть, съ точки зрѣнія Шекспира и Гамлета, самоубійцы, это — тѣ, которые повѣрили, что смертный сонъ — уже безъ сновидѣній, что послѣ смерти нѣтъ жизни ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли смыслъ въ жизни для чловѣка, который отрицаетъ загробную жизнь? Зачѣмъ я живу на свѣтѣ? какой смыслъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ? зачѣмъ на свѣтѣ страданія, особенно невинныя? Злодѣи ворвались въ домъ, убили отца и мать и другихъ членовъ семьи, разможили голову грудному младенцу ударомъ о стѣнку; ка-

¹⁾ „Самоубійство“, стр. 119—120.

кимъ — то чудомъ спасшійся, забившись подъ кровать, другой младенецъ, трехлѣтняя дѣвочка, по уходѣ убійцы, выползла изъ своего убѣжища и ползаетъ около мертвой матери, пачкаясь въ ея крови, и охрипшимъ голосомъ зоветъ: „мама! мама!“. Какъ примириться съ этой картиной?! Одного такого дѣтскаго трупика достаточно, одной капли невинной крови, даже одной *невинной* дѣтской слезы, чтобы отрицать весь міръ, всѣ солнечные и планетные міры! Намъ скажутъ: „это — неизбежныя жертвы на пути человѣчества къ свѣтлому будущему“. А я, — не говоря уже о томъ, что этого свѣтлаго будущаго на землѣ нѣтъ и никогда не будетъ, — отвѣчу: какое мнѣ дѣло до свѣтлаго будущаго, когда тутъ, на дорогѣ лежитъ дѣтскій трупикъ! Значитъ, приходится себя утѣшать, что чрезъ этотъ дѣтскій трупикъ, чрезъ мой трупъ, чрезъ горы труповъ люди ползутъ на высокую стѣну, съ вершины которой увидятъ восходящее солнце всеобщаго счастья. Но вѣдь это значитъ — приравнивать людей къ саранчѣ: когда на пути слѣдованія саранчи копаютъ рвы или зажигаютъ костры, то саранча все — таки лѣзетъ, валитъ тучей, массами гибнетъ во рвахъ и въ огнѣ, грудами наполняетъ рвы и ямы, тушитъ огонь. Но, зато, по тѣламъ погибшихъ тучи живой саранчи движутся впередъ...

Какой же выводъ изъ такого міросозерцанія? Самоубійство. Другихъ я не имѣю права избавить отъ бессмысленной жизни, а съ собою я могу это сдѣлать. Да даже и другихъ могу убить, чтобы избавить ихъ отъ безцѣльныхъ страданій. Вы помните страшный случай: сынъ профессора Кипарисова въ уборной вагона желѣзной дороги застрѣлилъ своего родного больного брата, чтобы, какъ ему казалось, избавить его отъ напрасныхъ страданій. Обратимся опять къ литературнымъ произведеніямъ. Вотъ какъ разсуждаетъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Иванъ Карамазовъ. Зло въ мірѣ есть, и нѣтъ въ мірѣ силы, которая оправдала бы это зло. Если бы такое оправданіе было возможно въ другой какой-либо области, то, — говоритъ онъ, — „я заранѣе отказываюсь

отъ него и почтительнѣйше возвращаю билетъ на право входа въ міровую гармонию“. И страданія на землѣ есть, а смысла и правды въ этихъ страданіяхъ Иванъ не видитъ и потому объявляетъ „бунтъ“. Мнѣ надо возмездіе,—говоритъ онъ,—иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ—нибудь и когда—нибудь, а здѣсь же, на землѣ“. А такъ какъ такого возмездія нѣтъ, или, во всякомъ случаѣ, не всегда оно есть, то остается одно: самоистребленіе. Къ такому выводу должны придти всѣ тѣ, кто ищетъ правды только на землѣ и не ищетъ и не хочетъ правды за гробомъ.

Но отчего же, однако, люди невѣрующіе не всѣ истребляютъ себя, предоставляя это дѣлать немногимъ, сравнительно, единицамъ? Отчего не истребилъ себя Иванъ Карамазовъ? Центробѣжной силы еще страшно много на нашей планетѣ,—говоритъ онъ брату Алешѣ.—Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной, листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ,—повѣришь ли,—не знаешь, за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческой... Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь“... Иванъ, какъ и всѣ невѣрующіе и всѣ люди, жизнь больше любитъ, чѣмъ смыслъ жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Соколовъ.

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ).

VII.

Мы отмѣтили такія литературныя произведенія, въ которыхъ, наряду съ типами несчастныхъ людей, потерявшихъ вѣру въ Бога и загробную жизнь и самовольно уходящихъ отъ жизни, выводятся и типы положительные, типы людей вѣрующихъ, которые, какъ Алеша Карамазовъ, гдѣ ни появятся, умиротворяютъ человѣческія страсти, осмысливаютъ самую жизнь вокругъ себя, освѣщаютъ и согрѣваютъ ее свѣтомъ вѣры и любви. Писатель какъ бы говоритъ: „смотрите, — вотъ несчастные, больные душой люди, хотя и хорошіе люди, а вотъ — свѣтлые люди, видящіе смыслъ въ жизни и другимъ его указывающіе“. И читатель отъ всего сердца пожалѣетъ первыхъ, а отъ настроенія вторыхъ получитъ просвѣтленіе и примиренность. Но что даютъ намъ, по занимающему насъ вопросу о самоубійствѣ, произведенія писателей послѣднихъ лѣтъ? Они, большею частію, наполнены типами, съ точки зрѣнія вѣрующихъ людей, отрицательными. Если же выводятся типы болѣе или менѣе положительные, то въ такомъ жалкомъ, придавленномъ видѣ, что читателю дѣйствительно приходится, что называется, „почтительнѣйше возвратитъ билетъ“. Почти всѣ главные типы этихъ произведеній характера богоборнаго, какъ и вся эта литература.

Тутъ ужъ писатель далекъ отъ мысли заставить читателя пожалѣть отрицателей Бога и загробной жизни, а онъ, напротивъ, въ лицѣ своихъ героевъ, дѣлаетъ, такъ сказать, *активное* выступленіе противъ Бога и будущей жизни. По всѣмъ этимъ литературнымъ произведеніямъ выходитъ, что Бога нѣтъ, загробной жизни нѣтъ, а, стало быть, и смысла въ жизни нѣтъ. Какой же исходъ? Убить себя. И выходитъ, что современныя намъ произведенія изящной литературы не только подтверждаютъ указанную нами истину, что отрицаніе Бога и безсмертія есть почва для самоубійства, но и сами толкаютъ людей въ объятія самовольной смерти. По сочиненіямъ, напр., Достоевскаго герой долженъ убить себя, а читатель долженъ съ ужасомъ отвернуться отъ настроенія и конца жизни этого героя; а по произведеніямъ послѣднихъ лѣтъ и читателю-то приходится бросить вѣру въ Бога и безсмертіе и потому убить себя.

Въ наше время любятъ говорить о т. н. „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей“. Ну, и стали все старое переоцѣнивать; и больше всѣхъ стали это дѣлать писатели послѣдняго времени. И что же? Всѣ прежнія цѣнности христіанскія объявлены ничего нестоящими: смиреніе, кротость, терпѣніе, послушаніе... А вѣдь новыхъ-то цѣнностей не указали. Это все равно, какъ если бы въ какомъ музеѣ драгоценностей и древностей всѣ прежнія ярлыки сорвали, а новыхъ не наклеили, предметы перепутали, и зрители бродятъ беспомощные, не зная, какія вещи цѣнны и достойны вниманія.

Все, что человѣку давало силы жить и переносить трудности жизни, объявлено ничего нестоящимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что болѣе всего даетъ смыслъ жизни и силы переносить терпѣливо жизненные страданія? Вѣра въ Бога—Промыслителя, управляющаго міромъ, безъ воли Котораго не упадетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣка, и вѣра въ Сына Его, Иисуса Христа, Который сказалъ: „прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Однако, совсѣмъ не то поступаетъ, напр., въ произведеніи Л. Андре-

ева: „Жизнь чело́вѣка“. Въ этомъ произведеніи всякій можетъ усмотрѣть, что полагаться на какого-то Бога бессмысленно, ибо „Нѣкто въ сѣромъ“ (т. е. Богъ) съ тупымъ равнодушіемъ взираетъ на чело́вѣческія страданія, и эти страданія тоже бессмысленны. Ужасныя слова, обращенныя къ Провидѣнію, полныя богоборчества и нестерпимой хулы, писатель влагаетъ въ уста отца, у котораго въ страшныхъ страданіяхъ умеръ ребенокъ, объ исцѣленіи котораго такъ горячо молились отецъ и мать. „Ты женщину обидѣлъ, Ты мальчика убилъ!—воскликаетъ отецъ.—Я проклинаю все, данное Тобою. Проклинаю день, въ который я родился, проклинаю день, въ который умру. Проклинаю всю жизнь мою, ея радости и горе. Проклинаю себя. Проклинаю [мое сердце, мою голову—и все бросаю назадъ, въ Твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣки!.. Черезъ голову женщины, которую Ты обидѣлъ, чрезъ тѣло мальчика, котораго Ты убилъ,—шлю Тебѣ проклятіе чело́вѣка.“

Что можетъ согрѣть сердце, влить въ душу отраду и успокоеніе, сдѣлать жизнь радостною? Дѣла христіанской любви и милосердія. Однако, въ другомъ произведеніи Л. Андреева—„Анатэма“ описывается крушеніе и самой христіанской любви, которая объявляется бессмысленною и даже приносящею зло. Старый еврей Давидъ Лейзеръ отказывается отъ огромнаго наслѣдства, которое неожиданно ему досталось, и начинаетъ раздавать его бѣднымъ. Кажется, верхъ любви къ ближнимъ! Но что же приноситъ этотъ величайшій актъ любви? Сынъ Давида умираетъ отъ чахотки. Дочь не хочетъ помириться съ лишеніемъ богатства, захватываетъ значительную его часть и тайно убѣгаетъ изъ дома. Розданное Давидомъ богатство является каплею въ морѣ чело́вѣческой бѣдности и чело́вѣческаго горя. Когда Давидъ оказывается не въ силахъ помочь чело́вѣческому горю и творить чудеса, которыхъ отъ него всѣ ждуть, толпа загоняетъ его въ пустыню и тамъ побиваетъ камнями. „Анатэма“ (олице-

твореніе мятущагося, богоборно настроеннаго духа) бросаетъ вызовъ „Нѣкому, ограждающему входы“, т. е., конечно, Богу. „Не любилъ ли Давидъ?—отвѣтъ. Не отдалъ ли душу Давидъ?—отвѣтъ. И не камнями ли побили Давида, отдавашаго душу?—отвѣтъ“... „Не утоливъ голода голодныхъ, не давъ зрѣнія слѣпымъ, не вернувъ жизни безвинно умершимъ, произведя раздоры, и споръ, и кровопролитіе жестокое, —не проявилъ ли Давидъ безсилія любви и не сотворилъ ли онъ великаго зла, которое числомъ можно исчислить и мѣрою измѣрить?..“

Чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго? Тѣмъ, что человѣкъ, въ силу нравственныхъ требованій, ограничиваетъ свою животную жизнь свои страсти, каковыя страсти, если ихъ не сдерживать, ставятъ человѣка ниже животнаго. Посмотримъ, то ли проповѣдуется въ нашумѣвшемъ произведеніи Арцыбашева: „Санинъ“. „Дѣлай все, что велитъ тебѣ твоя природа“, — вотъ основная мысль этого романа. „Живите, — говоритъ герой этого романа, — какъ птица летаетъ: хочется взмахнуть правымъ крыломъ — машетъ, хочется обогнуть дерево — огибаетъ“. Значитъ, если человѣкъ видитъ вещь, которая ему нравится, но которая ему не принадлежитъ, онъ можетъ ее взять; если видитъ красивую женщину, которая, однако, принадлежитъ другому, онъ можетъ взять и ее. Какъ нѣтъ и не нужно нравственныхъ устоевъ, такъ нѣтъ и Бога или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ ничего не знаетъ про Бога, да и знать не хочетъ. „Есть Богъ или нѣтъ, — говоритъ Санинъ, — я Его не знаю и не знаю; чего Ему отъ меня нужно“... „Моя жизнь — это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами — мнѣ какое дѣло!..“ (Употреблено грубое выраженіе). Къ чему же, однако, приводитъ эта проповѣдь культа тѣла и всѣхъ его похотей, даже по изображенію самого автора? Санинъ отравилъ послѣдніе дни жизни своей старухи — матери, толкнулъ въ омутъ страстей свою сестру, разбилъ жизнь одной женщины (Карсавиной), довелъ до самоубійства офицера Зарудина и еврея Соловейчика.

Вотъ какова современная изящная литература, которая царить надъ многими умами интеллигентныхъ людей и юношества,—этой, какъ принято выражаться, надежды нашей родины. Ею зачитываются; ея произведенія ставятся на сценѣ театра,—этой, какъ принято называть, школы, которая должна воспитывать народъ и общество. Куда же толкаетъ она, какъ литература богоборная? Какъ мы и выше говорили,—въ объятія смерти. Все, что мы говоримъ, нужно понимать буквально. Есть одинъ романъ, подъ заглавіемъ „Ключи счастья“—Вербицкой, тоже изъ новыхъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ героинѣ романа: „Я дамъ вамъ ключи счастья... Оно лежитъ за семью замками. И бѣдное человечество давно потеряло къ нему пути.. Слушайте, Маня... Самое цѣнное въ насъ—наши страсти, наши мечты... Жалокъ тотъ, кто отрекается отъ нихъ!.. Надо быть самимъ собой!.. Не поступайте своей мечтой и желаніемъ ни изъ страха, ни изъ долга, ни изъ состраданія... Пусть гибнетъ изъ-за ^{лю}любви къ вамъ тотъ, кого вы разлюбите!.. Идите дальше, слѣдуя голосу крови... Пусть не дрогнетъ ваша душа отъ стыда или раскаянія!.. Помните: это все звенья старой цѣпи... Ваше тѣло, ваши чувства, ваша жизнь принадлежитъ вамъ... вамъ одной... И вы властны сдѣлать съ ними, что хотите... Вотъ вамъ мое завѣщаніе!.. Сумѣйте жизнь красиво прожить!.. Поднимитесь на вершины, недоступныя трусливымъ душамъ... И если медленный спускъ въ долину вамъ покажется унылымъ и долгимъ, не забывайте, что смерть въ вашихъ рукахъ... Мы всѣ умираемъ, какъ жалкія животныя, бессмысленно, случайно... Или послѣ долгой болѣзни и агоніи, съ ужасомъ и тоской... А развѣ смерть—не дивная тайна, полная обѣщаній?.. Какъ хорошо уйти изъ міра добровольно, въ зенитѣ жизни!.. Да, надо умѣть жить красиво. Но еще важнѣе умереть прекрасно“...

И эти страшныя сѣмена пали на благопріятную почву. Спустя нѣкоторое время послѣ описаннаго разговора Маня

пишетъ: „Смерть?.. О, я боюсь долгой болѣзни, запаха лѣкарствъ.. Боюсь постепеннаго разрушенія, усталости окружающихъ и того отчужденія, которое, какъ стѣна, незамѣтно и страшно растетъ между умирающимъ и его близкими... Помните смерть Ивана Ильича?.. И какъ это люди все стремятся умереть въ своей квартирѣ, въ собственной постели, среди семьи... „отъ долгой и тяжелой болѣзни“, какъ пишутъ въ газетахъ? Но смерть добровольная и внезапная... Какая отрада! Янъ (это—тотъ самый, который обѣщалъ дать ключи счастья) говорилъ:—„Надо умѣть жить красиво. Но еще важнѣе умереть прекрасно“... И впоследствии Маня дѣйствительно приняла ядъ.

Что это? Не Петроній ли это воскресъ? Не его ли это слова? Не философія ли это тонкихъ эпикурейцевъ? Не язычество ли это древняго Рима? Да, это чистое язычество. ¹⁾

¹⁾ О томъ, что въ наше время воскресло язычество древняго Рима, ясно свидѣтельствуетъ недавнее (осенью 1911 г.) самоубійство французскаго социалиста Лафарга и его жены (дочери извѣстнаго Маркса). Чѣмъ вызвано оно, читатель увидитъ изъ маленькой замѣтки Н. Русанова въ одномъ русскомъ журналѣ (Рус. Богат. 1911 г., ноябрь). Замѣтку эту приводимъ буквально, чтобы изъ нея, въ то же время, читатель понялъ, какъ къ такому ужасному событію, какъ самоубійство мужа и жены, относятся нѣкоторые русскіе люди. „Телеграфъ принесъ извѣстіе о самоубійствѣ извѣстнаго французскаго социалиста, Поля Лафарга, и его жены Лауры, второй дочери Маркса. Я хорошо зналъ ихъ и одно время былъ близокъ съ ними (знались семьями). Когда я увидалъ на первой страницѣ газеты лаконическую строку, „кончили самоубійствомъ Поль Лафаргъ и его жена“, я былъ очень удивленъ: такой конецъ не вязался съ моимъ представленіемъ объ этой въ общемъ жизнерадостной четѣ. Но, прочитавъ въ самой телеграммѣ дополнительныя строки: отравились Поль Лафаргъ и его жена, оставивъ записку, что не желаютъ бороться со старостью“, я подумалъ, что такъ и должно было случиться. Въ ихъ взглядахъ на жизнь и смерть было много напоминавшаго воззрѣнія лучшихъ людей древняго міра. И эти воззрѣнія были у нихъ не чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, навѣяннымъ, но глубоко вросли въ ихъ душу. Жизнь, наполненная интереснымъ, разностороннимъ, высоко человѣческимъ содержаніемъ, и смерть, какъ послѣдній актъ этой самой жизни, когда выгорѣла до конца лампа бытія. Никакой потусторонности у нихъ не было, и никакого мистицизма, даже никакого сомнѣнія насчетъ того, что *здесь* все кончается для человѣка. Разъ Лафаргъ и его

Простые русскіе люди всегда говорятъ, желаютъ, молятся; „похворать бы, потерпѣть, пострадать передъ смертью...“, — чтобы очиститься отъ грѣховъ и лучше приготовиться къ христіанской кончинѣ непостыдной и мирной. А тутъ это называется „умирать, какъ жалкія животныя, бессмысленно, случайно“. Нужна, — видите-ли, — смерть добровольная, внезапная, красивая...

Литература есть выразительница настроенія такъ называемаго культурнаго общества. А самая эта культура — что такое? Если она не признаетъ Іисуса Христа за Бога, если она отвергаетъ христіанскія добродѣтели: смиреніе, кротость, терпѣніе, послушаніе, цѣломудріе и на ихъ мѣсто ставитъ: самолюбіе, уваженіе къ себѣ и своему достоинству, гордость, — хотя бы и благородную, — служеніе страстямъ, — то она есть культура не христіанская, а языческая. Въ одномъ изъ историческихъ романовъ Вс. Соловьева описывается, какъ женился царь Алексѣй Михайловичъ. Царь, невинный и

жена почувствовали, что, вслѣдствіе неумолимыхъ физиологическихъ процессовъ дряхлѣнія, существованіе теряло для нихъ прежній смыслъ и интересъ, они рѣшили уйти изъ него, какъ долженъ былъ бы уходить съ пира жизни, по словамъ великаго Лукреція, всякій насыщенный бытіемъ гость. Но они не могли не уйти вмѣстѣ, ибо вмѣстѣ, дружно, по-товарищески, они прожили эту хорошую, осмысленную, идейную жизнь, которая была, впрочемъ, не простымъ эпикурействомъ, какъ можетъ показаться поверхностному читателю предшествующихъ строкъ, а именно образцомъ человѣческаго существованія. Она включила и благородный энтузіазмъ, и борьбу за идеаль, и готовность принести въ жертву убѣжденіямъ все, все безъ исключенія, что потребуетъ отъ нихъ дѣло международного социализма, которому они всегда служили.

О политической, публицистической, вообще общественной дѣятельности Лафарга (Лаура Марксъ участвовала въ ней болѣе, чѣмъ это могло казаться со стороны) я скажу слѣдующій разъ, въ особой статьѣ, которую я намѣренъ посвятить воспоминаніямъ объ этихъ умныхъ, славныхъ, добрыхъ, благородныхъ людяхъ. Теперь я ограничусь прощальнымъ привѣтомъ товарищамъ по великому міровоззрѣнію труда, которые не претендовали на иное безсмертіе, кромѣ жизни въ памяти людей, стремящихся, какъ и они, осуществить здѣсь, на землѣ, царство общаго счастья и свободы“.

Читатель! Это — языческое разсужденіе, посвященное самоубійству двухъ язычниковъ.

чистый юноша, войдя послѣ брачнаго пира въ опочивальню, сталъ молиться предъ иконами вмѣстѣ со своей женой. Вотъ, это—христіанская культура, хотя это было не въ ХХ-мъ, а въ ХVІІІ-мъ вѣкѣ. Такъ ли и такимъ ли женится современный культурный человѣкъ?.. Да, культура ХХ-го вѣка обо всемъ позаботится, но не предусматриваетъ только нравственной чистоты. Теперешній юноша, пройдя среднюю школу, долженъ въ высшемъ учебномъ заведеніи проучиться лѣтъ семь—десять. Можетъ ли онъ за это время сохранить чистоту и цѣломудріе?.. И вотъ, за это время тысячу разъ ему можно отъ любви, отъ измѣны, отъ ревности,—наконецъ, отъ дурной болѣзни отравиться, застрѣлиться и т. п. Припомните Л. Андреева „Въ туманѣ“.

Культура не христіанская, а языческая вѣдь повторяетъ слова духа—искусителя: „будете, какъ боги“. Послушайте, что пишетъ одинъ писатель—самоучка въ своемъ произведеніи, присланномъ М. Горькому:

„Пусть печаль убиваетъ меня,
Но за мною по трудной дорогѣ
Идутъ люди грядущаго дня
Веселы и свободны, какъ боги“.¹⁾

Но гдѣ это обожествленіе? гдѣ этотъ золотой грядущій день?.. Человѣкъ, какъ искони вѣковъ, такъ и теперь, „во мракѣ и пыли земли влачитъ оковы“,—оковы грѣха и страстей. И гордый человѣкъ, мня себя богомъ, но, на самомъ дѣлѣ, топчась въ грязи, самъ же презираетъ себя, налагая на себя руки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Соколовъ.

¹⁾ „Современный міръ“, 1911 г., янв.

Уходящіе отъ жизни ¹⁾.

(О самоубійствѣ).

VIII.

Итакъ, какой же намъ взглядъ установить на самоубійство? Всякій, конечно, согласится, что оно есть ужасное явление. Послѣ же раскрытія обычныхъ причинъ самоубійства

¹⁾ См. слова и рѣчи Филарета, Митроп. Московскаго, т. IV, стр. 553—554, М. 1882 г.

¹⁾ Продолженіе. См. № 8.

еще болѣе становится яснымъ, какое это болѣзненное, страшное, преступное явленіе.

Очень распространено мнѣніе, что самоубійство есть слѣдствіе психическаго расстройства. Инстинктъ самосохраненія такъ силенъ, что, какъ думаютъ многіе, убить себя можно только въ состояніи умопомѣшательства. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Сошлемся на слова проф. Карѣева, который говоритъ слѣдующее: „мысль, будто каждый самоубійца есть непременно душевно больной, кажется, давно сдана наукою въ архивъ“. ¹⁾ Изслѣдованія привели къ заключенію, что приблизительно только одна четвертая часть самоубійць поражаетъ себя въ состояніи душевнаго расстройства. Обратите вниманіе на записки самоубійць. Развѣ это—произведенія людей ненормальныхъ? Человѣкъ часто изъясняетъ въ запискѣ причину самоубійства, дѣлаетъ завѣщаніе и распоряженія. Любопытно, что у людей помѣшанныхъ замѣчается ослабленіе привязанности къ роднымъ и близкимъ. „Любовь—цвѣтъ развитія человѣческой личности—погасаетъ прежде всего“. ²⁾ Сумасшедшій не хочетъ видѣть родныхъ, не узнаетъ ихъ, остается равнодушнымъ при свиданіи съ ними. Если остаются отъ умалишенныхъ предсмертныя записки, то въ нихъ обыкновенно не упоминается о родныхъ и близкихъ. Не то у самоубійць. Въ запискахъ они прощаются съ людьми, которыхъ любили, просятъ часто у нихъ прощенія.

Ясность сознанія и нормальность душевныхъ силъ у нѣкоторыхъ самоубійць передъ самымъ актомъ самоубійства бываютъ изумительныя. Одинъ офицеръ послѣ неудачной попытки повѣситься, предъ повтореніемъ ея задумалъ записать свои ощущенія. Вотъ, что онъ написалъ. „Странная судьба! Я повѣсился и потерялъ сознаніе, но веревка оборвалась, и я упалъ на лѣвую руку... Я окончилъ новыя приготовления и тотчасъ приступлю къ дѣлу, но мнѣ хочется

¹⁾ „Самоубійство“, стр. 134.

²⁾ Проф. И. Поповъ. О самоубійствѣ. Богосл. В. 1898 г., мартъ, стр. 376).

выкурить еще одну, послѣднюю папироску. Надѣюсь, что это будетъ послѣдняя! Я не испыталъ страданій въ первый разъ. Все шло отлично. Надѣюсь, что во второй будетъ то же самое. Я такъ же спокоенъ, какъ если бы принялъ капель. Это странно, я сознаюсь, но тѣмъ не менѣе это такъ. Я спокойно хочу умереть и во второй разъ“. Одинъ господинъ, рѣшившійся задушить себя угаромъ, въ теченіе часа записывалъ всѣ свои ощущенія. „7 ч. 45 м. Все готово. Пульсъ 60—61 въ минуту. Я зажигаю свѣчу и лампу, чтобы видѣть, какая изъ нихъ скорѣе погаснетъ. Прошу снисхожденія у ученыхъ, если я буду употреблять неподходящіе термины. Жду восьми часовъ, чтобы зажечь огонь“. И вотъ, далѣе идетъ подробная записъ черезъ каждыя 3—5 минутъ: сколько дѣлаетъ ударовъ пульсъ, каковы ощущенія въ головѣ, въ глазахъ, въ носу, какъ погасла свѣча, а лампа еще горѣла... Въ 9 ч. 1 м. записано: „Я чувствую себя лучше. Выпилъ воды. Свѣтъ лампы слабѣетъ. Меня охватываетъ бредъ“. Въ 9 ч. 5 м.: „Я...“ ¹⁾. Какой еще нужно ясности и нормальности души?! ²⁾.

Что говоритъ статистика? Она не устанавливаетъ прямой и неразрывной связи между количествомъ душевныхъ заболѣваній и числомъ самоубійствъ. А вѣдь, если бы самоубійства стояли въ причинной связи съ помѣшательствомъ, то увеличеніе психическихъ заболѣваній должно бы сказаться увеличеніемъ случаевъ самоубійствъ. Во всѣхъ странахъ Европы душевнымъ заболѣваніямъ подвержены болѣе женщины, чѣмъ мужчины. Можно бы ожидать, что среди женщинъ окажется больше случаевъ самоубійствъ, чѣмъ среди

¹⁾ Б. Вѣстн. 1898 г., мартъ, стр. 384—385.

²⁾ Съ подобной обстановкой совершилось въ октябрѣ 1911 г. въ Москвѣ, въ „Славянскихъ номерахъ“ самоубійство артистки Бернгеймъ. Уже принявши ядъ, она сѣла писать подругѣ и исписала 12 листовъ бумаги. Записаны, между прочимъ, предсмертныя ощущенія. „Вотъ, кольнуло въ сердце... сильно, сильно, какъ бы какимъ-нибудь колючимъ предметомъ. Значить, начинается! Что-то ударило въ голову. Отошло... Опять какъ будто легче. Стой, начались боли въ суставахъ... Особенно въ рукахъ. Знаешь, такія, какъ отъ ревматизма! Еще... еще. Нина, кажется, кон...“

мужчинъ, или, по крайней мѣрѣ, будетъ одинаковое количество у обоихъ половъ. Однако, самоубійствъ среди женщинъ въ 4 раза меньше, чѣмъ среди мужчинъ. Евреи больше всѣхъ народовъ страдаютъ душевными разстройствами, а самоубійства среди нихъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ.

Итакъ, убить себя, конечно, — ненормально и неестественно. Но это не значитъ, что всякій, кончающій жизнь самовольно, есть непременно психически больной человѣкъ.

Свящ. С. Соколовъ.

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ).

IX.

Другой распространенный предразсудокъ насчетъ самоубійць -- тотъ, что они -- герои, а самоубійство -- героизмъ. Часто можно слышать: „да, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ, для этого нужно мужество, и не всякій это сдѣлаетъ“. Нѣшнимъ годомъ въ Москвѣ вышелъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Самоубійство“ (который мы указывали выше). Нѣскольکو авторовъ (старообрядческій епископъ Михаилъ, В. Розановъ, проф. Карѣевъ и др.) разбираютъ самоубійство съ болѣе или менѣе различныхъ точекъ зрѣнія. Но у большинства авторовъ лишеніе себя жизни трактуется, какъ „проявленіе активности“ (стр. 96), какъ „проявленіе власти души“ (стр. 104). Стало быть, тоже оказывается героизмъ своего рода.

Но стоитъ перебрать обычные поводы къ лишенію себя жизни, чтобы увидѣть совсѣмъ обратное. У человѣка устала воля, онъ не можетъ перенести ударовъ судьбы и, какъ говорятъ, налагаетъ на себя руки. Но развѣ это -- героизмъ? Героизмъ -- въ томъ, чтобы смѣлою и открытою грудью выдержать эти напоры судьбы. На войнѣ герой не тотъ солдатъ, который, получивши незначительную рану, спѣшитъ убраться въ лазаретъ, а потомъ и домой, а герой -- тотъ, который, получивши серьезную рану, не выбываетъ изъ строя, а сражается до послѣдней возможности. Человѣкъ растратилъ казенныя или вообще чужія деньги и говоритъ себѣ: „я не могу пережить позора и потому ухожу отъ жизни“. Неужели это -- мужество? Нѣтъ, мужество было бы тогда, когда бы этотъ человѣкъ не побоялся надѣть арестантскій халатъ и вытерпѣть все, что опредѣлило бы людское правосудіе. Мужество было бы въ томъ, если бы этотъ человѣкъ сказалъ: „я совершилъ преступленіе, -- судите же меня, добрые люди: я заслужилъ это“. И, конечно, всякій честный человѣкъ оцѣ-

ниль бы по достоинству этот именно мужественный поступок и сказал бы: „есть еще на свѣтѣ люди съ совѣстью“, а при гробѣ самоубійцы онъ испытываетъ только ужасъ и смятеніе. Вотъ, человѣкъ лишилъ себя жизни изъ-за отвергнутой любви, вообще,—на романической почвѣ, какъ говорятъ. Вѣдь здѣсь одно ослѣпленіе, одно малодушіе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ или даже нѣсколько мѣсяцевъ, и человѣкъ, отрезвившійся отъ любовнаго наважденія, непременно скажетъ: „неужели я хотѣлъ стрѣляться изъ-за этого плоскаго лица, изъ-за этихъ вовсе неумныхъ глазъ, изъ-за этого некрасиваго и непріятнаго голоса?.. А вѣдь когда-то все это мнѣ казалось восхитительнымъ, обворожительнымъ, несравненнымъ“... Еще философъ Аристотель сказалъ: „Умереть для избѣжанія нищеты или по причинѣ (не нашедшей взаимности) любви, или скуки, свойственно не мужественному, но низкому и малодушному человѣку“. То же говоритъ поэтъ Марціалъ: „Легко пренебречь жизнью въ бѣдственномъ положеніи. Но мужество проявляется въ умѣннн переносить несчастія“¹⁾. Что же касается мужества призвать смерть, то вѣдь когда человѣкъ ее призываетъ, то не разсуждаетъ, что она—такое; а если бы увидѣлъ, то, навѣрное, сказалъ бы, какъ старикъ въ баснѣ: „Я звалъ тебя, чтобы ты подняла мнѣ вязанку дровъ“.

Если бы самоубійцы возвратились къ намъ, то они, навѣрное, тысячу разъ прокляли бы свой отчаянный шагъ, отказавшись отъ приписываемаго имъ героизма, и сказали бы: „ахъ, милые братья, какъ ужасно, какъ безумно то, что мы сдѣлали съ собой“!.. Правда, нѣкоторыхъ спасали, вынимая изъ петли или изъ воды, и они все-таки опять лѣзли туда же. Стало быть, какъ будто и не страшно то, что съ ними случилось. Но, кажется, у этихъ послѣднихъ людей еще не наступало самага настоящаго ужаса смерти. Сколько было случаевъ, когда самоубійцы, смертельно ранивъ себя, отчаянно кричали о помощи и спасеніи! Вышеупомянутый В. Розановъ

1) Пр. Ст. Остроумовъ. „Жить—любви служить“. М. 1900 г., стр. 267—268.

разсказываетъ объ одной 22-лѣтней дѣвушкѣ, которая, принявши яду, страдала съ часу ночи до 6 часовъ вечера и все кричала: „мама! мама! спасите меня! мама!“ Бѣдная дѣвушка думала, что принять яду и умереть это—„стопъ“, „точка“, „тьма“, а вышло другое. Мы упоминали о несчастной Г., которая, пріѣхавши съ панихиды по самоубійцѣ Ж., выстрѣлила въ себя. Раненая смертельно въ область живота, она въ ужасѣ кричала: „спасите меня! спасите меня!“ Я слыхалъ про одну дѣвушку, которая, смертельно ранивши себя, жила цѣлую недѣлю. Боже, какъ она страдала и какъ она каялась! Она говорила, что не просить себѣ у Бога долгой жизни, а хотя бы только одинъ голъ—заболитъ свои грѣхи: „я бы тогда,—говорила она,—день и ночь каялась, плакала и молилась“. Вотъ, настоящая оцѣнка самоубійства не какъ героизма и мужества, а какъ ужаснаго малодушія. Замѣчательно, что къ смерти прибѣгаютъ отъ страха... предъ чѣмъ же? предъ самою смертью. Недавно застрѣлилась въ Москвѣ жена извѣстнаго художника Верещагина, узнавши, что у нея неизлѣчимая болѣзнь. Такъ, школьникъ, боясь экзамена, говоритъ: „уже поскорѣе бы онъ наступилъ“. Очень мучительно ожиданіе.

Х.

При гробѣ человѣка, умершаго смертью естественною, мы трогаемся сердцемъ, смиряемся, жалѣемъ, плачемъ... Наше настроеніе выражаетъ церковная пѣснь: „что сіе еже о насъ бысть таинство“?.. Мы недоумѣваемъ при видѣ смерти. Но потомъ мы успокоиваемся на дальнѣйшей мысли: „воистину Бога повелѣніемъ“. Не то бываетъ съ нами при гробѣ самоубійцы. Душа въ смятеніи, не въ силахъ понять и на чемъ-либо успокоиться; языкъ не повертывается, чтобы сказать обычное: „царство небесное“. Пришлось и мнѣ быть при бездыханномъ тѣлѣ самоубійцы: ротъ полуоткрытъ, губы посинѣли, рука откинулась. О, ужасъ! И только чья-то жалостливая рука затеплила тоненькую восковую свѣчку, прилѣ-

пивши ее къ стулу, около постели. Но слабый свѣтъ этой свѣчки не въ силахъ былъ разогнать всего ужаса и всего духовнаго мрака, который сгустился около этого страшнаго ложа смерти. Народное сознаніе не даромъ окружаетъ ужасомъ и страшными представленіями могилы самоубійць, и если какой-нибудь изъ нихъ похороненъ гдѣ-либо въ полѣ, при дорогѣ, то запоздалый ѣздокъ спѣшитъ погнать свою лошадь, чтобы поскорѣе миновать это страшное мѣсто.

Даже языческая древность строго осуждала самоубійство. Въ Аѳинахъ у самоубійцы отрубали руку, которая совершила убійство себя. На островѣ Кипрѣ самоубійць совсѣмъ оставляли безъ погребенія. Гдѣ было принято сжигать трупы, самоубійць считали недостойными этого сожженія, какъ бы боясь осквернить самый всеочищающій огонь. Впрочемъ, были въ язычествѣ философы, которые считали самоубійство правомъ страдальца. Таковы были стоики. Сенека говоритъ: „выходъ изъ жизни свободенъ“. Въ Англіи даже въ началѣ прошлаго столѣтія трупы самоубійць влчили по улицамъ и зарывали ихъ при большихъ дорогахъ безъ всякой религіозной церемоніи. У насъ то же узаконялъ Петръ Великій. Предписано было влчить самоубійць по улицамъ и закапывать „въ безчестномъ мѣстѣ“. Если матросъ покушался на самоубійство, то его за это наказывали смертью, а трупъ вѣшали на реѣ.

Каноническія правила Церкви лишаютъ самоубійцу, если онъ совершилъ самоубійство въ здоровомъ умѣ, христіанскаго погребенія и поминовенія. Въ основу церковнаго законодательства легло 14-е правило св. Тимоѳея Александрійскаго, которое гласитъ слѣдующее: „Аще кто, будучи внѣ себя, подыметъ на себя руки или повержетъ себя съ высоты, за такового должно ли быть приношеніе (безкровная жертва) или нѣтъ? О такомъ священнослужителѣ долженъ разсудити: подлинно ли будучи внѣ ума, содѣлалъ сіе, ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнути, да будетъ приношеніе и молитва за него, неправдуютъ и

глаголють, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быти, яко содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческія или по иному какому случаю отъ малодушія, и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непременно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывать, да не подпадетъ осужденію“.

Въ чемъ же, однако, преступность самоубійства? Прежде всего, самоубійство—неестественно. Все живущее неудержимо стремится къ жизни и отвращается отъ смерти. Слыханное ли дѣло, чтобы какое-либо животное убило само себя, чтобы утопилось или разбило голову объ стѣну? Скажете, что оно безсознательно, что оно не можетъ управлять собою и своими поступками? Но это-то и показываетъ, что инстинктъ жизни, сохраненія себя прирожденъ всему живущему и неискоренимъ. Нищій, питающійся подаяніемъ, скажетъ вамъ: „а все умереть не хочется, не надоѣлъ еще бѣлый свѣтъ“.

Будемъ сначала разсуждать съ точки зрѣнія людей, отрицающихъ Бога и оправдывающихъ самоубійць, за которыми они, подобно Сенекѣ, признаютъ право ухода отъ жизни. Вѣдь эти апологеты самоубійць признаютъ же какія-либо основы жизни? И, конечно, они согласятся признать, что основою жизни является то, когда человѣкъ считаетъ себя частью цѣлаго, т. е. общества и всего человѣчества, для котораго, а не для себя одного, онъ долженъ жить и трудиться. Но что же дѣлаетъ самоубійца? Онъ отъединяется, онъ интересы своего „я“ ставитъ выше интересовъ цѣлаго, интересовъ общества. Его жизнь, можетъ быть, была нужна, полезна для другихъ. Зачѣмъ же онъ самовольно ушелъ отъ нея? Какъ назвать такого человѣка, который въ бурю, находясь въ лодкѣ, среди другихъ пловцовъ, отказался бы грести дальше и прыгнулъ изъ лодки? Вѣдь и оставшіеся могутъ погибнуть отъ недостатка рукъ и гребцовъ. Еще ученики философа Аристотеля утверждали, что самоубійца попираетъ интересы общества, уклоняясь отъ общихъ повинностей, и это воззрѣніе отразилось на законодательствѣ того времени. Въ Аѣинахъ каждый,

кто считалъ свою жизнь невыносимой, обращался въ сенатъ, указывалъ мотивы и просилъ разрѣшенія покинуть жизнь. Сенатъ входилъ въ обсужденіе этой просьбы и, если находилъ ее основательной, давалъ разрѣшеніе.

Самоубійца заявляетъ себя величайшимъ эгоистомъ, бунтующимъ, такъ сказать, противъ всей природы. Вотъ, разсужденіе одного самоубійцы въ „Дневникъ Писателя“ Достоевскаго (1876 г., октябрь). „Какое право имѣла эта природа производить меня на свѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то тамъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаниемъ и эту природу *созналъ*: какое право она имѣла производить меня, безъ моей воли на то, сознающаго? Сознающаго, стало быть, страдающаго, но я не хочу страдать,—ибо для чего бы я согласился страдать“?..

„Я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе — вмѣстѣ со мною къ уничтоженію... А такъ какъ природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного“... Одинъ изъ авторовъ названнаго выше сборника о самоубійствѣ, проникая въ психологію современнаго самоубійцы, указываетъ, что этого послѣдняго, какъ страдальца, не можетъ утѣшить великая гармонія вселенной, если бы она даже была, и въ уста самоубійцы влагаютъ такія рѣчи: „Если бы онъ и былъ, этотъ порядокъ (т. е. во вселенной), то не наплевать ли на него мнѣ, страдающей личности? Что за дѣло до свѣтилъ, которыя вращаются въ изумительномъ хороводѣ, если у меня невыносимо болятъ зубы“? ¹⁾ Стало быть, погибай весь міръ, все человѣчество, лишь бы у меня не болѣли зубы... Что можетъ быть чудовищнѣе этого эгоизма?!

Дерево въ лѣсу, связанное и сплетенное въ землѣ корнями съ сосѣдними деревьями, если буря его вырываетъ, то оно, падая, вырываетъ корни и сосѣднихъ деревьевъ, при паденіи ломаетъ и крушитъ другія, особенно молодыя, деревья.

¹⁾ Стр. 82.

Такъ поступаетъ и самоубійца, который самъ себя вырываетъ изъ среды живыхъ. Мы видѣли, какъ одинъ случай лишенія себя жизни вызываетъ подражанія. А горе близкихъ, родныхъ, друзей? а горе матери? „Въ катастрофахъ,—говоритъ В. Розановъ,—оставляемыхъ самоубійцами вокругъ себя, среди оставшихся живыми, иногда бываетъ столько грубости и жестокости, что хочется жестоко судить виновныхъ въ этомъ горѣ. Ахъ, какъ бываетъ это черно, неизгладимо!.. Зарастетъ травой могила, но рана въ сердцѣ матери самоубійцы никогда ничѣмъ не зарастетъ. Для нея не будетъ отрады; не будетъ свѣтлыхъ дней; пѣніе птицъ ничего ей не скажетъ, зелень лѣса ея никогда не освѣжитъ, никакому цвѣтку она не порадуется.—Этотъ цвѣтокъ могъ бы сорвать мой сынъ,—и не наклонится, и не сорветъ сама. Да, самоубійцы жестоки,—это должна сказать имъ вслѣдъ любовь человѣческая“⁽¹⁾). Вы, которые готовы наложить на себя руки, пожалѣйте вашихъ бѣдныхъ матерей! Не осушить имъ до смерти своихъ слезъ, не выплакать имъ никогда своего горя. Отецъ, мать, мужъ, жена, братъ, сестра—всѣ, которые потеряли кого-либо изъ близкихъ, наложившаго на себя руки, согласны были бы, чтобы тотъ, кого они потеряли, умеръ какою угодно смертию: пусть бы онъ замерзъ, или растерзали его звѣри, убили разбойники, сгорѣлъ онъ въ огнѣ... но лишь бы только не погибалъ онъ отъ самоубійства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ).

XI.

Если никакъ нельзя оправдать самоубійства даже съ точки зрѣнія невѣрующихъ въ Бога людей, то какъ его оправдать съ точки зрѣнія вѣрующихъ?.. Самоубійство есть возстаніе на Бога, отверженіе Его промысла, отказъ отъ христіанскаго терпѣнія. Вся наша жизнь находится во власти Бога, и мы не можемъ произвольно распоряжаться ею. Древніе пифагорейцы осуждали самоубійство именно съ религіозной точки зрѣнія: человекъ принадлежитъ божеству, и онъ такъ же не имѣетъ права самовольно уходить отъ жизни, какъ рабъ не долженъ бѣжать отъ своего господина.

Такъ разсуждали язычники, божества которыхъ были эгоистичны, коварны, завистливы. А вѣдь христіанство есть евангеліе, т. е. благовѣстіе; оно—религія радости, упованія, утѣшенія. Оно проповѣдуетъ объ Отцѣ Небесномъ, Который „такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). Гдѣ, въ какой религіи можно услышать слова: „прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“? Правда, въ жизни бываетъ тяжело, невыносимо, мучительно. Но, несчастный человекъ, уставшій жить и потому занесшій руку надъ собою! Зачѣмъ ты забылъ, что твой Спаситель на своемъ крестномъ пути не только усталъ, но и падалъ подъ тяжестью креста? Ты, который убиваешь себя потому, что находишься въ безвыходномъ положеніи, какъ будто оставленный всѣми, зачѣмъ ты забылъ, что самъ Сынъ Божій воскликнулъ на крестѣ: „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“?? Вотъ, ты призываешь смерть, потому что боишься позора. Но какъ же Христа-то, о Которомъ разбойникъ на крестѣ сказалъ, что Онъ ни единого зла не сотворилъ, какъ же Его-то таскали

по судамъ, оклеветали Его, били по щекамъ, плевали на Него и, какъ величайшаго злодѣя, предали позорной казни, къ которой присуждали только рабовъ и величайшихъ преступниковъ?!. Зачѣмъ ты забылъ всѣхъ апостоловъ, мучениковъ, подвижниковъ, которые или скитались „по пустынямъ, горамъ, вертепамъ, пропастямъ земнымъ“, или добровольно шли на кресты, въ огонь, въ воду, или навстрѣчу дикимъ звѣрямъ въ циркахъ?...

Христіанство учитъ о Царствѣ Божіемъ на землѣ, учитъ о загробной жизни, гдѣ „отретъ Богъ всякую слезу съ очей человѣческихъ“ (Апок. 21, 4; 7, 17). „Грядущаго къ Мнѣ не изгоню вонъ“ (Іоан. 6, 37). „Въ домъ Отца Моего обителей много“ (14, 2). Христіанинъ ищетъ Царства Божія и правды его на землѣ, идетъ въ отечество небесное, а впереди его — Христосъ, несущій крестъ. Если кто споткнулся и упалъ на этомъ пути, того не осудитъ Господь. Но кто сказалъ: „не хочу дальше идти, потому что нѣтъ мнѣ радости въ жизни“, кто отвергъ величайшій даръ Божій — жизнь, тотъ уподобляется Іудѣ — предателю, искавшему утѣшенія не у Христа, а у враговъ Его, которымъ принесъ сребренники.

Христосъ-Спаситель принесъ на землю не одно ученіе. Онъ принесъ самую жизнь. До Него и послѣ Него люди жили, живутъ и будутъ жить общежитіями или государствами. Но государство держится правомъ. А право не можетъ претендовать на то, чтобы быть силою нравственною. Право не отрицаетъ человѣческихъ эгоизмовъ, а только сдерживаетъ, ограничиваетъ и упорядочиваетъ ихъ. Самоубійца, какъ мы видѣли, грѣшитъ даже противъ этого несовершеннаго человѣческаго общежитія. Христосъ создалъ на землѣ другое общество, въ основу котораго положилъ не право, а другую великую силу — любовь. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. 13, 34—35). Право связываетъ людей механически, какъ части

въ машинѣ; любовь связываетъ органически, какъ вѣтви въ зеленѣющемъ деревѣ или члены въ живомъ тѣлѣ. Общество на землѣ, гдѣ всѣ члены соединены этою живою связью, есть Христова Церковь. О благодатномъ единеніи всѣхъ въ Церкви и молился Спаситель предъ Своими страданіями Своему Отцу: „Да будутъ всѣ (т. е. вѣрующіе) едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Іоан. 17, 21). Если самоубійца, уходя отъ жизни, грѣшитъ противъ общества людей, держащагося на правѣ, т. е. государства (какъ это было у грековъ), то насколько тяжекъ грѣхъ человѣка, вѣрующаго во Христа, — человѣка, принадлежащаго къ основанной Имъ Церкви и самовольно уходящаго отъ нея въ двери смерти! Не честно, если участникъ какого-либо предпріятія, среди самаго разгара дѣла, бросаетъ товарищей. Совсѣмъ жестоко, если членъ любящей, дружной семьи бросаетъ эту семью, повергая ее въ печаль и горе. Это все равно, какъ если бы рука сказала: „не хочу быть на тѣлѣ“, и отдѣлилась бы отъ него. Или вѣтка взяла бы да отломилась самовольно отъ дерева. Конечно, разобщившись съ деревомъ, она бы засохла, и ничто не могло бы оживить ее: ее нужно бы тогда бросить въ огонь (Іоан. 15, 6). Винтъ или колесо выпадающія изъ машины, портятъ всю машину; вѣтка, отпадающая отъ дерева, умираетъ сама. Такимъ омертвѣлымъ членомъ является самоубійца, и не потому ли правила Церкви запрещаютъ молиться за него, что онъ уже такъ омертвѣлъ, что молитвы Церкви не въ силахъ оживить его?..

Въ древности человѣкъ былъ слѣпымъ орудіемъ государства. Это — въ томъ случаѣ, когда онъ былъ свободенъ. Когда же онъ былъ рабъ, то онъ просто былъ одушевленный инструментъ, по выраженію Аристотеля. Если приготовляли для чего-либо ядъ, то, чтобы узнать его дѣйствіе, призывали сильнаго раба и надъ нимъ дѣлали опытъ. Въ современномъ государствѣ человѣкъ больше значитъ, чѣмъ въ древнее время. Но все же и теперь онъ — только незначительный винтикъ въ сложной государственной машинѣ. Христіанство,

«соединивши всѣхъ въ Церковь и заповѣдавши каждому жить для другихъ, возвысило человѣческую личность и поставило ее на недосягаемую высоту. Человѣкъ не колесо въ машинѣ, а—чадо Божіе, искупленное драгоцѣнною кровью Сына Божія, храмъ и жилище Св. Духа. Душа человѣка цѣннѣе всего міра: такъ учитъ Спаситель (Мр. 8, 36—37). И душа всякаго человѣка: и раба, и падшей женщины, и злодѣя. Отсюда само собой стало падать рабство. Самоубійца что же дѣлаетъ? Онъ унижаетъ и обезцѣниваетъ человѣческую личность въ самомъ себѣ. Онъ даже развращаетъ вокругъ себя среду, считая человѣческую жизнь не драгоцѣннымъ сосудомъ, который нужно беречь, а сосудомъ непотребнымъ, который можно и нужно разбить. Кровь самоубійцы опьяняетъ другихъ. Поэтому, гдѣ широко развиваются самоубійства, тамъ умножаются и убійства. И опытъ показываетъ, что самоубійству очень часто предшествуетъ убійство.

Свящ. С. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уходящіе отъ жизни.

(О самоубійствѣ).

XII.

Какъ же быть съ самоубійствомъ? Можно ли говорить о какихъ-либо мѣрахъ противъ этого страшнаго зла?

Часто можно слышать и читать, что самоубійства происходятъ отъ несовершенства соціальнаго строя жизни. Измѣните, — говорятъ, — строй жизни, и люди перестанутъ сами себя убивать. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Меньше ли самоубійствъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ укрѣпился другой строй жизни? Нѣтъ. Тѣ, кто всю причину зла видятъ въ несовершенствѣ соціальнаго устройства, равно какъ и тѣ, которые ведутъ борьбу ради какого-то новаго строя жизни, конечно, цѣль человеческой жизни ограничиваютъ жизнью на землѣ и ни о какой будущей жизни не помышляютъ. Но, во-первыхъ, исканіе счастья только на землѣ привязываетъ человѣка къ этой землѣ и ея благамъ, а изъ-за земныхъ-то благъ люди больше всего и убиваютъ себя. Во-вторыхъ, отрицаніе будущей жизни, какъ мы видѣли, и толкаетъ человѣка въ объятія смерти. Кромѣ этого, средствомъ къ переустройству жизни, конечно, признается борьба. А борьба-то и разнуздываетъ страсти; она-то и понижаетъ цѣнность человеческой личности и жизни; она-то и пріучаетъ массы считать cadaго отдѣльнаго человѣка за мертвый матеріаль для общаго движенія впередъ, къ счастью человечества. Вѣдь наивно же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что сначала люди перебыютъ, перерѣжутъ кого нужно, разрушатъ, сожгутъ, сокрушатъ что нужно, а потомъ превратятся въ кроткихъ агнцевъ, чтобы жить въ царствѣ любви и братства. Если уже говорить о несовершенствахъ строя, то никто не будетъ отрицать, что нашему крестьянину живется всѣхъ тяжелѣе; а самоубійствъ среди крестьянъ гораздо меньше, чѣмъ среди другихъ классовъ общества. У

крестьянина есть вѣра въ Бога и въ загробную жизнь. Это его спасаетъ среди трудностей его жизни.

Нѣтъ, нужно въ корнѣ измѣнить взглядъ на самоубійство. Нужно развѣнчать его, нужно представить его во всемъ его ужасѣ и безобразіи. Иногда въ печати люди какъ будто ужасаются случаевъ самоубійства и сокрушаются о самоубійцахъ. Но когда начнутъ разбирать причины, то такъ запутываютъ дѣло, что въ концѣ концовъ видишь: а вѣдь они оправдываютъ и защищаютъ самоубійцу! „Онъ-де иначе не могъ поступить, его вынудили къ этому, его не поняли, онъ не вынесъ пошлости жизни, жизнь оказалась недостойною его“, и прочіе безумные глаголы... Нужно сдернуть съ самоубійцы маску героизма, тогу мрачнаго величія, или, — какъ говорятъ, — титанической силы воли. Помню, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ нашемъ городѣ, въ номерѣ гостиницы застрѣлился одинъ ученикъ старшаго класса одного изъ средне-учебныхъ заведеній. Въ толпѣ, запрудившей улицу около гостиницы, были, конечно, и барышни и среди нихъ можно было услышать такія слова: „навѣрное, — отъ безнадежной любви“... То-есть, людямъ не думалось о томъ, что вотъ, тамъ, въ этихъ бѣлыхъ стѣнахъ, за этими окнами, которыя какъ будто зловѣще глядятъ на улицу и хранятъ страшное молчаніе, совершился какой-то ужасъ, и ужасъ нелѣпый, безобразный, — нѣтъ, ихъ воображеніе рисовало самоубійцу, какъ героя. И если бы про этого самоубійцу сказали, что онъ застрѣлился потому, что помѣшался, или — отъ нужды, то эти самыя барышни, думается, не были бы довольны; а вотъ, отъ безнадежной любви — это дѣло другое, это... это вообще что-то такое... красивое! Вотъ, эта-то атмосфера безнадежной любви или любви со взаимностью, но съ неодолимыми препятствіями, атмосфера вздоховъ, романсовъ, лунныхъ ночей, пѣсней соловья, и пр., и пр., создаетъ то, что въ ней самоубійца является не во всей наготѣ ужаса, а въ тогѣ героя, въ плащѣ мрачнаго величія, съ гордымъ, такъ сказать, лицомъ.

Жизнь наша такъ устроена, что у насъ есть много способовъ какъ-то закрыть всю страшную правду, всю наготу, весь ужасъ смерти, если она даже самовольная. „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида“. Ясно, просто и правдиво. А вѣдь тутъ вѣнки съ лентами да надписями, катафалки, лошади въ попонахъ, иногда даже музыка... Тутъ до покойника-то, что называется, и не доберешься. Какъ потянутся длинною вереницей лошади въ попонахъ, да вѣнки, да заколыхается колесница съ балдахиномъ, да если еще сыграетъ музыка, то получается впечатлѣніе печально-величественной торжественности, и колыхающійся на катафалкѣ самоубійца дѣйствительно представляется героемъ... Да еще рѣчи на могилѣ!.. Эхъ, православная матушка—Русь! Не твое все это, не къ лицу тебѣ эти вѣнки, эти лошади въ попонахъ съ прорѣзанными кружками для глазъ, эти глупыя ливреи и цилиндры... Все это иноземное, чуждое тебѣ... Если раздѣть ливреи и снять цилиндры, то вѣдь тамъ окажутся простые русскіе мужики: Микита, Артемъ, Левонъ, Микифоръ... Если снять эти попоны съ глазами, то тамъ окажутся доморощенные русскія клячи...

„Вы, навѣрное, подкапываетесь подъ христіанское погребеніе самоубійць?“—скажутъ мнѣ. Нѣтъ, во-первыхъ, я хочу сказать (и то кстати), что безо всякихъ прикрасъ хоронятъ почти только въ деревнѣ. Тамъ впереди высоко несутъ крестъ, какъ символъ того, что умершій былъ христіанинъ, и что самъ Христосъ какъ бы ведетъ его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія; тамъ нѣтъ вѣнковъ,—этого совершенно языческаго придатка при христіанскомъ погребеніи. А у насъ, въ городѣ, впереди ѣдетъ лошадь, покрытая съ головой, и везетъ двухколесную повозку съ рекламой похороннаго бюро, а въ повозкѣ сидитъ человѣкъ въ ливреѣ и изрѣдка бросаетъ на дорогу какіе-то сучья; а сзади иногда ѣдетъ цѣлая колесница съ вѣнками, а то несутъ ихъ впер-

ди гроба, какъ иконы. Во-вторыхъ, я хочу сказать, что установившійся у насъ обычай всѣхъ безъ исключенія самоубійць хоронить по христіанскому обряду требуетъ разбора, разсужденія и ограниченія.

Конечно, много среди самоубійць людей, совершившихъ свое страшное дѣло въ припадкѣ умопомѣшательства, и никто не станетъ отрицать того, что эти люди достойны христіанскаго погребенія и церковныхъ молитвъ. Но мы видѣли, что большинство самоубійць — люди нормальные, убившіе себя въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Эти люди, подобно несчастному ученику Иисуса Христа, отказались отъ христіанской надежды и, стало быть, отъ царства небеснаго, котораго мы желаемъ всякому христіанину, когда услышимъ о его кончинѣ. Скажутъ: „отчего же не помочь молитвой *здѣсь* человѣку, который перешелъ „туда“, т. е. въ загробную жизнь, и тамъ страдаетъ?“ Но что такое будущая жизнь? Будущая жизнь есть продолженіе того настроенія души, которое человѣкъ успѣлъ выработать здѣсь, на землѣ. Тамъ, въ царствѣ небесномъ, не будетъ только зла, страданій, соблазновъ, такъ что хорошее, заложенное здѣсь въ душѣ, тамъ будетъ развиваться безпрепятственно. Такъ цвѣтокъ, начавшій распускаться на открытомъ воздухѣ, при угрожающемъ морозѣ, переносятъ въ теплицу, и онъ тамъ распускается пышнымъ цвѣтомъ. А самоубійца не есть ли цвѣтокъ, уже убитый морозомъ, такъ что никакая теплица не можетъ его оживить?.. Вотъ, этотъ цвѣтокъ принесли въ тепло, а онъ уже повѣсилъ головку, почернѣлъ... И что же съ нимъ дѣлаютъ? выбрасываютъ, какъ ненужную вещь. Но христіанская религія есть религія всепрощенія? Да Церковь и не гнѣвается и никому не мститъ. Она только не дѣлаетъ того, что дѣлать нѣтъ смысла: не стануть же поливать дерево или цвѣтокъ, которые засохли. Говорятъ, что христіанское погребеніе нужно для утѣшенія близкихъ и окружающихъ самоубійцу. Но если самоубійца умеръ не только тѣлесно, но и духовно? Вотъ, человѣкъ умеръ своею смертию

на постелѣ; окружающіе его предаются плачу и неутѣшному горю. Что же, было бы утѣшеніемъ для близкихъ, если бы они позвали врача, а врачъ бы сталъ продѣлывать надъ умершимъ то, что онъ дѣлаетъ надъ живыми: сталъ бы его выслушивать, выстукивать, ставить компрессы и горчичники, вливать въ ротъ капли и порошки? Нѣтъ, близкимъ это показалось бы надругательствомъ надъ умершимъ. И мертвому это никакой пользы не принесло бы. Такъ и самоубійцѣ, умершему духовно, не принесутъ никакой пользы врачества Церкви: молитва и поминовеніе. Съ нимъ одно нужно сдѣлать: отдать его землѣ. Скажутъ: „а можете ли вы утверждать, что въ этомъ самоубійцѣ, котораго вы лишаете христіанскаго погребенія, не осталось никакой искры добра, любви, надежды?“ Положимъ, что такъ. Но вѣдь Богъ-то милосердъ! Неужели Онъ оставитъ безъ вниманія малую искру добра? Вѣдь Онъ не оставляетъ безъ награды и чаши холодной воды, поданной нуждающемуся. Если надъ самоубійцей не совершено христіанскаго погребенія, то это не значитъ, что все погибло. А, можетъ быть, этотъ самоубійца былъ душевно боленъ, и это знаетъ только одинъ Богъ?.. Людямъ, скорбящимъ о самоубійцахъ, остается одно: предоставить ихъ, какъ и все въ жизни, милосердію Божію.

Нельзя забыть и того, что среди самоубійцъ постоянно бываютъ люди, про которыхъ всѣ знаютъ, что они въ Бога не вѣровали, Иисуса Христа за Бога не признавали, будущую жизнь отвергали. Какой же смыслъ надъ такими людьми совершать чинъ христіанскаго погребенія? Это будетъ даже насиліемъ надъ ихъ душой и памятью, какъ было бы насиліемъ хоронить по христіанскому обряду Л. Толстого. Но и среди умершихъ своею смертью много людей невѣрующихъ, а ихъ хоронятъ по-христіански? Да и въ этомъ пора разобраться: христіанскаго погребенія достойны люди, умершіе въ мирѣ съ Церковью. Если бы покойника, никогда при жизни въ военной службѣ не служившаго, положили на лафетъ орудія, повезли бы съ солдатами и музыкой, а при

опусканіи въ могилу стали бы стрѣлять изъ орудій, то не сказали ли бы всѣ: „вѣдь онъ же не служилъ въ военной службѣ?..“

Итакъ, въ случаяхъ самоубійства нужно непременно разбираться. Людей, о которыхъ извѣстно, что они были хоть въ малѣйшей степени душевнаго поврежденія, если они принадлежали къ Церкви, хоронить по христіанскому обряду. Самоубійць же, лишившихъ себя жизни сознательно и, притомъ, въ особенности людей невѣрующихъ, хоронить безъ христіанскаго обряда. Никакой тутъ мстительности со стороны Церкви не будетъ. Здѣсь Церковь смиренно хранитъ молчаніе, не отверзая устъ своихъ для погребальныхъ молитвъ и пѣснопѣній, не осуждая и не желая зла, а все предоставляя суду Божію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Соколовъ.

Уходящіе отъ жизни *).

(О самоубійствѣ).

XIII.

Самоубійцы, конечно, суть люди несчастные. А всѣ несчастные люди достойны жалости и состраданія. Ахъ, какъ бы хорошо было, если бы среди людей было больше, какъ можно больше любви, жалости и состраданія другъ къ другу!

160) „Мирн. Трудъ“. 1912 г. № 2, стр. 158. Цитаты заимствованы изъ нѣмецкой и англійской книгъ.

*) Окончаніе. См. № 13.

Тогда бы одинъ другого утѣшилъ, успокоилъ, помогъ, разговаривалъ и тѣмъ, можетъ быть, отвелъ бы отъ рокового шага. Больше всѣхъ должны жалѣть людей пастыри Церкви. Вѣдь имъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ говорилъ: „утѣшайте, утѣшайте народъ Мой!“ (Ис. 40, 1). А въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель, видя толпы народа, милосердовалъ о нихъ, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря (Мѡ. 9,36). Но не одни пастыри, а и всѣ члены Христовой Церкви должны жалѣть другъ друга. Какъ было бы хорошо, если бы приходскій храмъ былъ не только мѣстомъ молитвы, но и центромъ, откуда изливалась бы на несчастныхъ людей помощь не только нравственная, но и матеріальная! Всякій бѣднякъ у насъ просить помощи „ради Христа“. Какъ было бы хорошо, если бы и подавали всѣ тоже „ради Христа“! Какъ было бы хорошо, если бы всѣ добрые люди объединялись для помощи бѣднымъ и несчастнымъ во имя Христа и подъ сѣнію Церкви, а не въ различныя лиги и ассоціаціи, обыкновенно чуждыя Христу и Его Церкви! Если бы у насъ развилась приходская жизнь, то тогда всякій членъ мѣстной церкви или прихода могъ бы всѣмъ сообщить, что такой-то находится на краю гибели: тогда всѣ бы могли отозваться на призывъ о помощи. Придетъ ли такое время!.. Конечно, человѣка невѣрующаго никто не обратитъ къ вѣрѣ и Церкви, если онъ этого не захочетъ, даже—Самъ Богъ. Но все же людей погибшихъ было бы меньше.

Самоубійства, какъ мы видѣли, происходятъ отъ безрелигіозности, отъ усталости и ослабленія воли, отъ ея дурного направленія. Гдѣ же причины всего этого? Ихъ ищите больше не въ условіяхъ жизни, а въ дурномъ воспитаніи. Во многомъ, а иные и во всемъ, винятъ школу. Но вѣдь самыя первыя сѣмена кладетъ не школа, а семья. Не хочется повторять избитыя слова. Но, если дома отецъ и мать Богу не молятся, въ церковь не ходятъ, не причащаются, то что тутъ можетъ сдѣлать школа?.. Когда дѣтямъ учащимся потанцовать и повеселиться? Подъ воскресенье, потому что только послѣ

субботняго вечера можно поспать подольше. Но вотъ что я наблюдалъ, живя одно лѣто на Кавказѣ. Какъ вечеръ для дѣтей, для учащихся съ танцами, играми, такъ непременно подь праздникъ. Почему же это?—спрашивалъ я,—вѣдь дѣти и учащіеся свободны отъ занятій?—Отвѣта я не получалъ.

Когда ребенокъ еще находится въ колыбели, и тутъ уже возможно религіозное воздѣйствіе: благочестивая мать и ночью перекрестить, и въ церковь сносить причастить, а дальше—и про Спасителя расскажетъ, какъ Онъ дѣтокъ благословлялъ, и изъ священной исторіи, и изъ житій святыхъ расскажетъ. Ребенокъ смотритъ серьезными, умными глазами и все понимаетъ, и попадаютъ добрыя сѣмена въ самое сердце. Мама и сама Богу молится около дѣтской кровати въ тиши ночной, и ребенка научить молиться. Пускай въ юношескомъ возрастѣ онъ все это отвергнетъ, но потомъ онъ, среди скорбей жизни, какъ блудный сынъ, опять возвратится. А къ чему возвратится тому, у котораго въ дѣтствѣ ничего этого не было, и онъ росъ, какъ маленькій язычникъ? У него не будетъ никакого пристанища среди душевныхъ бурь: въ трудную минуту онъ прибѣгнетъ къ яду или револьверу. Спасеніе его, если въ дѣтствѣ у него была богобоязненная няня: приносила вербочку, просфору, зажигала лампадку, про святыхъ угодниковъ, глядишь, рассказывала.

У людей стала слаба воля, или она дурно направлена. Отчего? Объ этомъ не позаботились въ семьѣ. Воля вырабатывается тогда, когда человекъ сознательно одному слѣдуетъ, а другое отвергаетъ. Въ дѣтствѣ онъ одному слѣдуетъ, а другое отвергаетъ потому, что такъ сказали папа и мама. Адамъ и Ева потому не должны были вкушать запрещеннаго плода, что такъ сказалъ Богъ, ихъ добрый и любящій Отецъ. Когда ребенокъ подростетъ, то онъ пойметъ, почему его родители одно позволяли, а другое запрещали. И у него останется навыкъ управлять собою. Очевидно, въ дѣлѣ воспитанія безъ ограниченій обойтись невозможно. Какъ же бываетъ? Ребенокъ дѣлаетъ, что хочетъ и когда хочетъ, идетъ—куда хочетъ, играетъ—съ кѣмъ хочетъ. Это называется давать человеку

свободно развиваться. Да развѣ дереву или цвѣтку даютъ расти, куда хочетъ? Не подвязываютъ ли, не обрѣзаютъ ли и очищаютъ?..—Нашъ Боря—очень умный мальчикъ,—говорить мама.—И какіе у него умные глаза!—„Нѣтъ,—вторить отецъ,—а ты посмотри, какой у него рѣшительный характеръ! Вѣдь это будущій дѣятель, артистъ, герой“...—Это говорится часто при Борѣ. Что же дѣлаетъ будущій герой? Когда его привезли въ городъ учиться, то отдали въ нахлѣбники. Онъ привыкъ, чтобы его на-ночь разували. И вотъ, когда его старая кухарка разуваетъ, онъ ей тычетъ сапогомъ въ лицо.—„Баринъ! разувайтесь“,—умоляетъ старая кухарка. Но человекъ съ рѣшительнымъ характеромъ ничего не хочетъ знать.

Вспоминается мнѣ прежнее воспитаніе, особенно въ старинной духовной семьѣ.—„Это нельзя, это—грѣхъ“.—Теперь въ семьяхъ такъ не скажутъ, а скажутъ: „это—глупо, это—по-идіотски“, или все позволяютъ дѣтямъ. Прежде строго соблюдали посты и ѣли постное, когда хотѣлось скоромнаго. Не ѣли подъ Рождество до звѣзды, подъ Крещенье—до святой воды, въ Великую Пятницу—до плащаницы, а дѣтямъ ѣсть очень хотѣлось. И была выдержка воли. Когда же человекъ выходилъ въ жизнь, онъ имѣлъ силы себя ограничивать, себѣ предписывать законы и потому преодолевалъ искушенія. Теперь человекъ выходитъ изъ семьи съ незаправленной волей, съ широкимъ размахомъ. Не хватаетъ денегъ на жизнь,—занимаетъ, потому что не въ силахъ ограничить себя, потомъ растрачиваетъ казенныя деньги, запутывается, потомъ стрѣляется.

Волю нужно воспитывать не такъ, чтобы въ человекѣ было упорство и настойчивость, а—чтобы человекъ полюбилъ добро, честность, полюбилъ правду и ее бы, а не что-либо другое, искалъ въ жизни. Скажутъ: „будешь искать правду—въ Сибирь пойдешь“. Но зачѣмъ же такъ далеко заноситься? Возьмемъ жизнь, какъ она есть. Мужъ и жена подходятъ къ дому своихъ знакомыхъ и звонятся. Выходитъ прислуга.—Баринъ съ барыней дома? Прислуга мнется, не зная, что

сказать. „Я сейчас узнаю, дома или нѣтъ“, — краснѣетъ и спохватывается она и бѣжитъ въ домъ. А въ окна видно, что баринъ съ барыней дома, сидятъ въ гостиной, и дѣти съ ними. Вдругъ все срывается съ мѣстъ, и начинается бѣготня. Огонь гаснетъ. Дверь снова отворяется, и прислуга съ тономъ извиненія говоритъ: „ихъ дома нѣту“. Что должны подумать дѣти, видя все это?.. Дальше. Обѣ пары какъ-то вскорѣ встрѣчаются на улицѣ, выдаются, и дѣти тутъ же. — Ахъ, какъ жаль! — восклицаетъ жена. — Мы только-что, только-что ушли изъ дома, а вы пришли. Возвращаемся поздно вечеромъ, Дуняша говоритъ: „Н. Н. были.“ — Ахъ, какъ жаль! — „Да, и мы очень жалѣли, что не застали васъ, — нехотя вторить другая пара. За такую правду въ Сибирь не сошлютъ, и съ такою правдою можно прожить всю жизнь, да еще въ почетѣ и уваженіи. Но я уже не знаю, послѣ этого: что же называется правдой?.. Ребенокъ, вслѣдъ за родителями, не привыкаетъ дорожить правдой, прямо смотрѣть ей въ глаза, и вотъ, лжетъ онъ дома, лжетъ онъ въ школѣ, боится правды въ жизни, трусливо избѣгаетъ ея. А когда она прямо глянетъ ему въ глаза, онъ хватается за револьверъ.

Нужно бороться съ нравственною распущенностью. Развратъ глядитъ изъ оконъ магазиновъ, дышитъ зловоннымъ дыханіемъ изъ множества книгъ. Какъ ни прячутъ ихъ отъ дѣтей подъ замокъ папа съ мамой, которые сами очень любятъ ихъ почитать, дѣти все-таки достаютъ и читаютъ ихъ украдкой. Да и у самого папаша въ кабинетѣ по стѣнамъ — картины соблазнительныя. Недавно въ газетѣ мнѣ попалось на глаза объявленіе о томъ, что распродаютъ книги въ Москвѣ, въ магазинѣ книгоиздательства „Авиаторъ“. Въ краткомъ каталогѣ есть отдѣлъ: „пикантныя книги“. Въ этомъ отдѣлѣ есть такія заглавія, что стыдно выговорить. Скидка отъ 50 до 70%. При заказѣ на 3 рубля — премія. 25,000 книгъ! Такъ напечатано въ заглавіи объявленія. Ужасъ! Вѣдь будетъ покупать молодежь, почти дѣти! Въ казенной винной лавкѣ не отпустятъ вина малолѣтнимъ, а въ подобныхъ магазинахъ

подобныя книги отпустятъ. Что же дѣлать: товаръ! А въ газетахъ, которыя сами себя считаютъ порядочными, печатаютъ такія объявленія и говорятъ: „мы за содержаніе объявленій не отвѣчаемъ“. Это все равно, если вамъ къ спинѣ придѣлаютъ скверную рекламу, а вы будете спокойно двигаться по улицѣ: „я за содержаніе рекламы не отвѣчаю“...

Въ одну изъ поѣздокъ на Кавказъ сидѣлъ я однажды на скамьѣ парка, равнодушно смотря на сновавшую мимо толпу и скучая о своей далекой родинѣ. Передо мною синѣлъ могучій Бештау, почти до самой верхушки поросшій лѣсомъ. Рядомъ былъ кіоскъ съ видами Кавказа. Тамъ были: и Эльборусъ, и Казбекъ, и скала „Пронеси-Господи“... Около кіоска толпился народъ: разсматривали, покупали. Ко мнѣ подсѣлъ молодой человѣкъ симпатичной наружности, въ мягкой, сѣрой шляпѣ. Онъ оказался художникомъ. Много покупаютъ—сказалъ я ему, кивнувъ головою въ сторону кіоска. „А вы наблюдайте, что здѣсь бываетъ раннимъ утромъ,—отвѣтилъ мой сосѣдь.—Подходятъ дѣвицы гимназическаго возраста, гимназисты, оглядываются по сторонамъ... И продавецъ оглядывается, достаетъ то, что у него далеко припрятано... Конечно, фотографіи пикантнаго содержанія“.—Мой собесѣдникъ началъ волноваться и съ горячностью рассказывать, какъ цѣлыя тюки неприличныхъ фотографій идутъ изъ-за границы, а особенно изъ Варшавы, и расходятся по всей Россіи. Конечно, больше всѣхъ дѣйствуютъ евреи.—„Это ужасъ!—горячился онъ, снявши шляпу и размахивая руками.—Я былъ въ Петербургѣ у митрополита Антонія, у Побѣдоносцева, у министровъ“...—Чего же вамъ хочется?—спросилъ я.—„Чего?—съ укоризной посмотрѣлъ онъ на меня.—Чтобы *это* было признано уголовнымъ преступленіемъ, т. е. изготовленіе, продажа, храненіе подобнаго товара“...

Въ страшной атмосферѣ соблазновъ растутъ наши дѣти, рано они начинаютъ все понимать, рано развиваются, рано влюбляются, а потомъ, глядишь, и бросаются въ объятія смерти.

Школа? Но что же может сдѣлать она? Да и есть ли идеаль у русской школы?.. Никто не знаетъ: что же собственно нужно сдѣлать изъ мальчика въ сѣренькой курточкѣ? На одномъ урокъ потолкуютъ изъ катихизиса, на другомъ о періодахъ, на третьемъ—о третьемъ склоненіи по-латыни, тамъ—климатъ и орошеніе Африки, уравненіе съ двумя неизвѣстными... А нужно сдѣлать, чтобы изъ мальчика вышелъ прежде всего христіанинъ.

Нужно бороться съ литературой, которую мы назвали богоборной. Нужно ее развѣнчивать, обнажать ея язвы. Развѣ такой слѣдъ въ душахъ оставляли наши классики: Пушкинъ, Гоголь, Жуковский, Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой въ первую пору его творчества, особенно—Достоевскій? Но... Андреевъ, Арцыбашевъ, Горькій! Что они дадутъ душѣ юноши, кромѣ мелкой оппозиціонности и мрачнаго пессимизма?..

Нужно возвратиться къ вѣковымъ устоямъ русской жизни. Нужно возвратиться ко Христу, къ Евангелію, къ Церкви.

Нужно отринуть то языческое настроеніе, которымъ зачастую живетъ современный культурный человѣкъ. Пусть не говорятъ намъ, что христіанство не въ догматахъ, а въ жизни. Христіанство состоитъ не въ однихъ хорошихъ дѣлахъ: и язычники ихъ дѣлали. Христіанство—въ томъ, какъ молился Спаситель въ Геѳсиманскомъ саду, „чтобы люди знали еди-наго истиннаго Бога и—Кого Онъ послалъ, Иисуса Христа“ (Іоан. 17,3). „Христось—моя сила, Богъ и Господь!“—взываетъ Христова Церковь. И ты такъ воззови, человѣкъ! Со Христомъ и смерть не страшна: Онъ ее попралъ и сущимъ во гробѣхъ жизнь даровалъ. Апостоль Павелъ желалъ умереть, чтобы быть со Христомъ. Гдѣ нѣтъ Христа—Бого-человѣка, тамъ самъ человѣкъ—богъ, тамъ—гордыня, и въ гордынѣ человѣкъ себя можетъ убить. А вѣрующій христіанинъ не убьетъ себя, а съ терпѣніемъ и смиреніемъ будетъ нести крестъ свой до конца.

Свящ. С. Соколовъ.